

Н.П. Дыренкова
ТЮРКИ САЯНО-АЛТАЯ.
СТАТЬИ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

ШОРЦЫ

Этническая принадлежностьⁱ. Шорцы (известные в литературе также под именем «кузнецких татар», «черневых татар», «шоров») принадлежат к турецкойⁱⁱ группе народов.

Названия. Название шорцы (от названия по р. Кондоме рода *şor* — одного из наиболее многочисленных шорских родов) окончательно укрепились за ними только после Октябрьской революции.

Самоназвание. Сами шорцы называли себя по тому роду, к которому принадлежали; так, например: *qarşa, qobşj, celej, şor* и т.д. Иногда еще по месту жительства (обычно по названию рек) или просто *cəş kizi (cəştəş)*, т.е. таежные (при общении со степными соседями)ⁱⁱⁱ, реже — *tatar kizi*, т.е. татарин^{iv}.

Численность и расселение. Основная масса шорцев — в количестве 28 000 человек (1933 г.) — населяет Кузнецкий уезд Томской губ.: бассейн рр. Кондомы и Мрассу и верховье р. Томи до улуса Чульджан — ныне Горно-Шорский район. Часть шорцев живет в юго-зап. части бывш. Енисейской губ. (бассейн рр. Таштыпа и Матура) — ныне Хакасская автономная область (Таштыпский район, Матурский и Кизыл Сукский сельсоветы) — и в Лебединском аймаке Ойротии (бассейн р. Лебеди и ее притока Байгола)^v (рис. 1).

Физико-географическая среда. Горно-Шорский район (площ. 2 700^{vi} кв. км) расположен в горах и предгорьях западных склонов Кузнецкого Алатау. С севера ограничен отрогами хребта *Tegri Tizi* и р. Томью, на востоке — Абаканским, с юга — водораздельными возвышенностями с бассейном р. Лебеди и с запада — Салаирским кряжем. Район представляет собой горную страну, отличающуюся сглаженным рельефом, отсутствием системы хребтов и слабовыраженной гольцовой областью. Лишь

Рис. 1. Семья шорцев. Южная Сибирь, Горно-Шорский район.
Фото автора, 1927 г. (МАЭ, колл. 3662-68)

вершины (*tasqyl'ы*) *Pustag* (1 851 м), *Köl-tajõqa* (1 867 м) и *Padьh* представляют гольцы с нетающими снеговыми полями. Многочисленные реки имеют горный характер и, за исключением главных рек, мелководны. Почва сильно увлажнена: болота тянутся на десятки километров по узким долинам. Отсутствуют озера.

Климат характеризуется громадным количеством осадков со средней годовой суммой от 700 до 800 мм. Суровая и продолжительная зима делает возможным созревание культур лишь с коротким вегетационным периодом. Глубокий снежный покров (до 4–5 м) заставляет копытных животных (марала и козулю) перекечевывать зимой в верховья Томи или Абакана и затрудняет, а в южной части временами и совершенно прекращает сообщение внутри района. Средняя t^0 января (для Спасска) — $-18,5$, для июля — $+15,6$.

Большая часть района покрыта малодоступной горной тайгой, с преобладанием елово-пихтово-осиновой черни. Тайга — основной источник хозяйственных ценностей для шорцев. Лес составляет 72 % всей площади района. Площадь кедровника — около 2 % леса — дает населению возможность добывать в урожайные годы 500–800 т ореха. Площадь липняка (по Кондоме — 4 288 га) — район лучших пасек. Характерным для района является обилие кустарников и высокотравье (2–3 м). В северной части района тайга редет, горы снижаются. Сглаженная холмистая местность в низовьях Кондомы представляет собой лесостепь с островками елово-пихтового леса. В почвах здесь преобладает чернозем (в южной части — серые подзолистые почвы), местность становится более пригодной для земледелия. Площадь долин и пашни определяется в 5–7 % к общей площади района (усадыбы — 4,1 тыс. га, пашни — 43,3 тыс. га, сенокос — 79,4, выгон — 27,5, леса и кустарники — 2 276,9, неудобной земли — 289,1).

Антропологический тип. Антропологический тип шорцев сравнительно изучен. Шорцы обладают ростом ниже среднего (1 616). Пигментация темная (темный тип у 49 %), со значительной примесью смешанных оттенков. Волосы на лице и на теле слабый. Голова длинная (190 мм), относительно узкая (150 мм) и низкая (124 мм). По головному указателю шорцы субдолихокефалы, или мезокефалы (77,7–79), и платицефалы (65,6). Лицо высокое (190), среднеширокое (143 мм). Нос ленторинный (указатель 66). Мягкие черты лица у шорцев своеобразны. Нос средне выдается, хорошо сформирован, горизонтальная профилировка лица умеренная. Губы менее прохейличны, чем у южных алтайцев. Лоб средне-наклонный со слабовыраженным надбровьем. Эпикантус не част. Складка верхнего века развита сильно преимущественно в боковой части.

Основной шорский тип в более чистом виде сохранился в верховьях Мрассу, а также у низовских шорцев, живущих в крайних поселениях (Чувашка, Сосновая гора). В приближающихся к Кузнецку селениях тип изменен под влиянием, с одной стороны, русских, а с другой — типом, локализованным у телеутов. У группы «ближних» шорцев выше головной указатель и ширина лица. В южной части (верховья Мрассу) шорцы по типу идентичны с населением прилегающих групп Хакасии. Своеобразие антропологического типа шорцев, отклоняющегося от обычного описания

«монгольской расы», было отмечено рядом авторов (Георги, Радлов). Ярхо, сближая шорцев по антропологическому типу с вогулами, считает возможным говорить о локализации у шорцев наряду с примесью южносибирской и центральноойротской расы особого типа североазиатского, соответствующего угорской расе Деникера^{vii} и сибирской расе Монтандона^{viii}.

Историческая справка. Народы, населяющие Алтай, в том числе и шорцы, входили в сферу влияния ойротского союза и платили дань Чжунгарии^{ix}; «шоры платили по железному котлу и тагану, которые вырабатывались самими туземцами около Кузнецка. «Князек» Аржан, напр., живший у горы Каракуш, бывший вассалом Чжунгарского или ойротского хана, платил налог железом и толоком ячменным» [Вербицкий^x]. Основной данью была пушнина (соболь). Леса позволяли шорцам убежать и скрываться от уплаты албана; так, один из шорских паштыков, обязанный платить албан Джунгарскому хану, в течение 7 лет убежал с подчиненными ему шорцами от сборщиков албана. Влияние Чжунгарии на Северный Алтай было значительно слабее, чем на южный. Северное предгорье Алтая занимали в XVI–XVII вв. кыргызы. С набегами кыргызов приходилось иметь дело шорцам, которых кыргызы считали своими данниками — киштымами. («А киргизские де князцы Талай да Тамок тех наших Мрасских и Кондомских ясачных людей от себя из киргиз не отпустили, а сказали Кузнецким служилым людям, что Мрасские и Кондомские ясашные люди — киштимы их киргизские и пришли де к ним кормиться». См.: Грамота Томских воевод — о побеге ясачных Кузнецкого ведомства к киргизам, 1643, Ноября 12 [Кузнецов 1890: № 14 (Кузнецкие акты 2002: 88 (док. № 72)]. После постройки Томского острога (в 1604 г.) русские завоеватели подошли к Кузнецкой тайге и стали стремиться наложить ясак на кузнецких татар.

На основании казачьих донесений покорение кузнецких татар — шорцев — первый сбор ясака относится к 1607 г. [Миллер 1937: 318; Фишер 1774: 214]. Но в этом году, также как и в 1609 г., кузнецкие татары взбунтовались против русских и в 1611 г. были посланы кузнецким татарам двое десятников с командой казаков, которым было велено построить крепость среди жилищ кузнецких татар у князя Базаяка в Абинской волости. «Но только до этого, — говорится в донесении, — были (у татар) посланцы киргизов, которые велели казаков убивать и давать знать киргизам, чтобы те приходили на помощь» [Миллер 1937: 435]. Казаки боялись расходиться и собрали только в ближайших улусах «6 сороков соболей». Вообще же татары давать ясак все отказались.

В 1615 г. снова в Кузнецкую волость отправляется партия казаков для требования ясака. Сперва сбор шел успешно — забрали в плен аманатов, но затем приехали 5 000 киргизов и калмыков и вступились за татар. Казаки выдержали осаду в течение 10 дней (укрепив занятое ими место пали-

садом), а затем, пробившись через неприятеля, многих взяли в плен, «между которыми были и знатнейшие». «С этого времени, — пишет Миллер, — татары стали бояться русских и не надеялись на киргизов и калмыков». В 1615 г. «казаки покорили Кузнецк. Абинский улус повоевали, городок у них взяли и князков взяли в плен. 50 человек казаков да 30 татар томских послали в другой улус Сарачеры (сравни род *sarby čor*) и повоевали, князька взяли Кызку и привезли в городок»^{xi}.

Несмотря на то что жестокость русских (при осаде в 1615 г.) заставила кузнецких татар бояться завоевателей и в следующем году они «покорно» отдали ясак и несмотря на то что в 1618 г. был основан Кузнецкий острог (при впадении р. Кондомы в р. Томь), кузнецкие татары пытались (в течение XVII в.^{xii}) неоднократно восстать и даже нападать на русских. Активными их помощниками были все те же киргизы и калмыки. Русские завоеватели имели дело с так называемыми «низовскими шорцами» — шорцами, живущими в низовьях рр. Мрассу и Кондомы и по р. Томи. Добираться до них было возможно лишь по летнему пути, а «при замедлении», как гласят казацкие сообщения, «нужно было зимовать в пути»; и если про «низовских» шорцев Миллер сообщает, что «они не знали над собой никакой чужой власти и жили в природной своей вольности, кроме что иногда киргизы подъезжали и татары откупались от них», то «верховские» шорцы (верховьев рр. Мрассу и Кондомы), рассыпанные по тайге, легче могли укрыться от русских. Покорение Кузнецкой тайги шло медленно, и, по-видимому, посредниками между казаками и «тайгой» — шорцами верховьев рек — в сборе ясака были низовские шорцы, так же как и впоследствии низовские шорцы были главными скупщиками пушнины и посредниками между русским торговым капиталом и своими сородичами — таежными шорцами. Да далеко не все шорцы и платили этот ясак. Так, в наказе Евдокиму Баскакову, посланному в город Кузнецк для приведения в русское подданство тех жителей, которые платили ясак калмыкам в 1622 г. после 10 ноября, говорится: «Кузнецкий де острог стоит на Томи-реке, а от Томского города до того острогу езды вверх водою 6 недель, а сухим путем из Кузнецкого острогу до Томского города 10 ден ходу. А около Кузнецкого острога на Кондоме и на Брасе (Мрассу. — *Н.Д.*) реке стоят горы каменные великие, и в тех горах емлют кузнецкие есачные люди камень; да то камень разжигают на дровех и розбивают молотами намелко, а разбив, сеют решетом, а просев, сыплют понемногу в горн, и в том сливаетца железо, и в том железе делают пансыри, бехтерцы, шеломы, копы, рогатины и сабли и всякое железное опричь пищалей; и те пансыри и бехтерцы продают колмацким людям на лошади и на коровы и на овцы а иные есак дают колмацким людям железом же. А кузнецких людей в кузнецкой земле тысячи с 3, и все те кузнецкие люди горазды делать всякое кузнецкое дело, и из тех кузнецких людей дают государю ясак немногие люди, которые живут

близко острожку, всего с 200 человек. А живут они в горах, а на горах растёт всякий лес, и тот лес розчищают, пашут пашни, сеют пшеницу, ячмень, коноплю. А которые кузнецкие ж люди живут от Кузнецково острогу далеко, и теми кузнецкими людьми всеми владеют Колмацкие люди, и ясак с них емяют соболями и железом всяким деланым» [Хилков 1879 (Кузнецкие акты 2000: 82–83 (док. № 25))].

После завоевания русскими район расселения шорцев (наряду с Алтаем и ю[го]-з[ападной] Хакасией) вошел в состав Алтайского округа Кабинета Его Величества, образованного в 1747 г. по указу импер. Елизаветы («округ Колывано-Воскресенских заводов», переименованный в 1831 г. в Алтайский округ). По указу 1822 г. (22 июня) Кабинет получил права производить горный промысел и устраивать расселения в пределах Горного Алтая, необходимые для обслуживания горной промышленности. До 60-х гг. XIX в. основным источником доходов Кабинета было горное дело. К этому времени относится развитие золотых приисков по притокам Кондомы и Лебеди (Спасск, Александровск и др.), по притокам Томи и левым притокам Мрассу и возникновение поселков в этих пунктах. Шорцы принуждены были откочевать вглубь тайги вслед за отступающим зверем. Признавая все-таки за туземцами предпочтительное перед русскими право владения землями (согласно Уставу об инородцах Сперанского 1822 г.), Кабинет на жалобу (1832 г. от 22 октября) башлыка Кузнецкой волости Чеджагура Чемрина издал указ, предписывающий Бийскому земскому суду «иметь строгий надзор за тем, чтобы русские не производили ни орехового, ни звериного, ни рыбного промысла в ясачных урочищах на территории Горного Алтая». Благодаря этому указу кедровые леса, ореховый и звериный промыслы находились в исключительном распоряжении туземцев до конца XIX в. С падением горнозаводского дела Кабинет сосредоточил в конце XIX и начале XX в. основную свою деятельность на эксплуатации земель и лесов (на доходах от оброчного и лесного хозяйства). Земельная рента явилась главным источником его доходов. В 1865 г. Кабинетом земли открываются для переселения крестьян. В 1911 г. Главному управлению землеустройства передаются земли, пригодные для поселения, в составе Кабинета остаются «леса и недра», которые в конце XIX и начале XX в. в большинстве сдаются в аренду, например Алтайская горнопромышленная компания (разработка золота в бассейне Мрассу и Кондомы), Южно-Алтайское золотопромышленное дело по левой стороне Томи и в системе р. Лебеди и др.

Заселение русскими Кузнецкой тайги шло со стороны Кузнецка вверх по р. Томи (на 35 верст) и вниз по Кондоме (отдельными улусами), а также со стороны р. Лебеди в районах, удобных для земледелия и пчеловодства. Позднее возникли пасеки русских старообрядцев в верховьях р. Мрассу. Шорское население откочевывало вверх по р. Томи и Кондоме. Большая

же часть тайги (особенно район Мрассу и ее притоков, верховье Томи, правые притоки Кондомы) — неудобная для хлебопашества и сельского хозяйства — оставалась до последних дней населенной лишь шорцами; так, например, по данным 1932 г., в Сыркашенском сельсовете шорское население составляет 99,5 %, в Усть-Кобырзинском — 94,5 %, Казенском — 98,5 %, Чувашевском — 89,0 %).

Основные занятия. Основной вид хозяйственной деятельности шорцев — звероловный промысел. По данным Статистической экспедиции С.П. Швецова (1900 г.), 75,9 % всех хозяйств Кузнецкого уезда были заняты звероловным промыслом, причем в волостях с шорским населением этот процент был значительно выше; так, например, в волостях Богораковской (низовья р. Мрассу) — 70,7 %, Кондомо-Барсиатской (низовья р. Кондомы) — 80,2 %, Казановской (верховья р. Томи) — 86,1 %, Кивинской (по р. Кобырсу) — 90 %, Кондомо-Итиберско-Шерагашевской — 95,6 %, Кийской (верховья р. Мрассу) — 99,9 % (л. 3) (рис. 2).

Рис. 2. Шорские охотники. Южная Сибирь, Горно-Шорский район.
Фото автора, 1927 г. (МАЭ, колл. 3662-1)

Главные пушные промысловые звери: белка и соболь; за последние годы в связи с уменьшением соболя, с одной стороны, и запросом экспорта — с другой, место соболя занял колонок. Шорцы промышляют также выдру, лисицу, горностая, рысь, медведя; из копытных — дикого оленя, марала, лося сохатого, дикого козла, козулю и кабаргу. Спрос на шкуры бурундука (экспортируемого в Англию) и на крота вызвал значительное усиление промысла на этих зверей.

В старину основными орудиями охоты у шорцев были лук и стрелы (по количеству луков считалось население родов. «Племя кабинцев — *der Kobinzische Stamm* — состоит из 25 луков, каргинцев — *Karginzische* — 40 луков» (Pallas, кн. III, полов. II, 362, перев. 507). Ружье фитильное, а затем кремневое (эти ружья имели специальные развилки, и стреляли из них с колена), а позднее пистонная винтовка сменили лук и стрелы. Последние остались лишь в охоте на бурундука (способ охоты на бурундука крайне примитивен: его бьют раннею весною при помощи лука и стрел — *'tamar'* — или же, приманив свистом, просто палкой), в рыбной ловле и как составная часть самострела. Как пережиток, лук и стрела сохранились в шаманском культе и в детских играх. Кроме ружья, орудиями промысла были: деревянные ловушки (*šargaj*), самострелы (*aja*), загородки, ямы, петли (*qyl*), сети на соболя (*aňbq*), на выдру (*sajbp*) *šor* — труба, для приманивания коз и маралов, покупные железные капканы. Шорцы отливали пули сами, пользуясь особым прибором — *'qalbp'*. Порох покупали у торговцев или у паштыка — старосты, который закупал его для своей волости, обычно изрядно наживаясь на этой операции.

В старину каждый род^{xiii} владел строго определенной территорией охоты и охотился только в «своей тайге». Нарушение границ родовой территории строго преследовалось: у виновных отбирали добычу, иногда били или предавали родовому суду. В годы невыхода зверя в той или другой тайге только собрание рода (во главе с *paštyq'om*) могло разрешить перейти охотиться в тайгу другого рода. Некоторые роды шорцев ходили на промысел к соседним племенам. Так, род *tajaz*, напр., не имел своей тайги с достаточным количеством промысловых зверей и вынужден был ходить на промысел в тайгу, принадлежащую шолганам-лебединцам. За право охоты в чужой тайге таяши платили ежегодно (по данным 1881 г.) от 50 коп. до 1 руб. с каждого промышленника. В годы неурожая соболя, а также в погоне за козами, перекочевывающими за Абакан, шорцы выходили в тайгу системы рр. Абакана и Енисея. Население тех районов (минусинские турки^{xiv}) не всегда допускали их в свои промысловые территории.

Еще Паллас в 1770 г. писал: «Около Таштыпа кочуют татары Каинского и Кобынского поколения (*Tataren von Kainzischen und Kobinzischen Stamm*), первых считается 25 человек взрослых (*Schazbare Köfre*, т.е. платящих ясак), а шорского (*der schorskische Stamm*) поколения, которое живет

ниже к Мразе (mrasa), кладут до 50 тыс. Они живут в неприступных своих укромах, еще и по сию пору в непошевеленном язычестве. Понеже в их дачах соболий промысел некорыстен, то, чтобы заплатить ясак, походят они в леса по ту сторону Енисея. Однако Койбалы, кои по какому праву присвоивают сии места себе, им ловить тут мешками (mit Stellnetzen аҕпҕа — сеть на соболя. — Н.Д.) не дают, а коли поймают, то, отняв добычу или снасть (das Jagdzeug) и поколотив, домой отпускают» [Pallas 1776: 367]. 12 октября 1753 г. Абаканская контора отдает распоряжение о непуске кузнецких татар в Красноярские тайги для промысла, «а выслатъ для тех промыслов в собственные их урочища, а ежели в оные Красноярские урочища невидимо пройдут, то их ловить... а опромышленное их обратъ» [Кузнецов-Красноярский 1892: 1].

В звероловном промысле у шорцев господствовало в значительной степени коллективное начало, которое выражалось в организации охотничьих артелей и в нормах распределения добычи. Этот коллективизм, берущий свое начало в социально-экономических отношениях родовой организации, удержался долгое время и после распада родового строя благодаря условиям охотничьего промысла в тайге. Первоначально охотничьи коллективы или артели составлялись исключительно по родовому принципу, позже, с распадом рода, принцип родовой уступил свое место принципу территориальному.

Коллективный способ производства обусловил и коллективное распределение добычи между участниками промысла независимо от степени участия в промысле (старики, охраняющие балаган, и готовящие пищу подростки, только что начинающие промышлять); пережитком некогда более широкого распределения продукта промысла (в родовой группе) является обычай обязательной дачи хоть небольшой части добычи встретившемуся во время промысла или на пути при возвращении с промысла (обычно мясом, а не шкурами) (л. 4).

Наряду с коллективным способом охоты существовала и индивидуальная охота (недалеко от поселений на мелких зверей) с индивидуальным присвоением продукта промысла.

Охота — занятие исключительно мужское. Для женщин охота — под строжайшим табу. Этот прочно установившийся порядок в производственных отношениях нашел свое отражение и в идеологии: целый ряд запретов существовал для женщин по отношению к орудиям охоты, промысловым зверям и т.д., запретов, которые всячески способствовали сохранению установленного порядка.

На зимнюю охоту, с начала ноября до половины или конца декабря и с половины февраля до половины марта, шорцы отправлялись группами (от 5 до 10 человек). Уходя от улуса на 50–100 км артель останавливалась станом в старом, оставленном от прежних лет балагане — *odaġ* — или

делала новый из пихтовых ветвей или из расколотых пополам деревянных плах. Балаган ставили сообща, коллективно; сообща питались во время промысла, часто даже порох закупали для всей артели (остаток делили после промысла).

На время промысла обобществляли даже орудия промысла, например сеть, ловушки (за исключением ружей). Промышлял же каждый охотник отдельно. Каждый день охотники уходили от балагана поодиночке или вдвоем и приносили к вечеру добычу. Вся добыча делилась поровну между всеми участниками артели, независимо от того, кто сколько убил, шкурами или деньгами. В осеннюю охоту промышляли главным образом белку (стреляли из ружья), ловили сетью соболя, ставили ловушки на горностаю и колонка, загоняли козла, а также били птицу (глухарей и т.д.).

Средствами передвижения во время промысла служили лыжи (*šana*) из черемухи или талины, подшитые шкурой с голени жеребенка. Специальной палкой-лопаткой (*kürčak*) охотник регулировал направление своего пути, особенно при спуске с гор. Этой же лопатой он окапывал себе яму в снегу для ночлега и черпал в ручье воду, чтобы напиться. Заготовленные на время промысла продукты и огнестрельные припасы, так же как и шкуры и мясо убитых во время промысла зверей, охотники тянули за собой в нартах (*šanaq*) или завернутыми в жеребячью шкуру — *sörtkä*. В тех случаях, когда отправлялись недалеко от дома, иногда складывали припасы в берестяную коробку, которую привязывали к плечам в виде ранца. Лошадей на промысел брали редко. Иногда на лошадях отвозили припасы охотников до последнего населенного пункта. Охотились в обычных халатах из кендыря, иногда надевали несколько таких халатов. Специально охотничья одежда имела вид зипуна из кошмы (войлока), нашитого на холст и простеганного нитками. Реже надевали особую пелерину из шкуры барсука — *cäpräk*.

Осенью, в период перекочевков коз за Абакан, на местах их переправ ставили артелью городьбу, в отверстиях которой настораживали самострелы или ставили петли. Такую же городьбу делали на лося и марала. Добыча делилась поровну между всеми участниками промысла. Коллективной являлась также охота на козлов и маралов «гоном». Артель (ранней весной и поздней осенью) делилась на 2 партии: одна гнала зверя на лошадях, если глубокий снег, то на лыжах, другая стреляла в зверя. Добыча делилась также между всеми участниками^{xv}. Маралов и коз караулили летом на солонца^{xvi} или посыпали тропы, по которым звери ходят, солью^{xvii} и били их из ружья^{xviii}. Добыча делилась поровну. Застреливший получал еще и шею убитого животного. Зимой и осенью вдвоем гоняли коз и лосей. Загнав зверя, убивали его обычно просто кайком^{xix} от лыж. Убивший получал шею убитого животного. «Гоном» же охотились на лисицу и рысь.

Охота на соболя — отслеживание и подкарауливание у сети — обычно также коллективная. Если во время зимней артельной охоты соболь был выслежен даже одним только охотником, шкура все же принадлежала всему коллективу охотников.

Охота на выдру производилась и зимой, и летом. Если охотник убивал выдру во время артельной охоты, шкура шла в пользу всей артели. Если же охотник один (обычно недалеко от дома) стрелял ее зимою в полыньях рек или летом ловил капканом, шкура являлась собственностью охотника. Вынуть зверя из чужой ловушки считалось самым постыдным воровством.

Индивидуальной являлась охота летом на коз. Охотник подкарауливал коз на солонцах или на местах их водопоя. Но и при индивидуальной охоте мясом убитого козла пользовалась обычно не только семья охотника, но и все сородичи, которые тут собирались. Старики-шорцы никогда не продавали мясо убитого козла, а съедали всегда сами, угощая всех своих сородичей (л. 5).

На берлогу медведя существовало право собственности нашедшего ее охотника. Найдя осенью берлогу, шорец обходил ее кругом и делал на ближайших деревьях зарубки топором, отмечая таким образом свою собственность на находящегося в ней зверя. Придя в улус, он оповещал своих соседей, говоря: «Жилище великого зверя я окружил». Это означало, что он объявил о своих правах собственника на найденного им зверя и что соседи не должны слишком близко от берлоги стрелять, чтобы медведь ее не покинул. Когда выпадал снег, охотник приглашал 1–2 из своего семейства или родства и убивал медведя. Мясо убитого медведя делили поровну. Из денег, вырученных от продажи шкуры, участники старались выделить пай больший тому, кто нашел, а особенно тому, кто застрелил. Если медведя убивали во время осеннего или весеннего промысла артелью, деньги от продажи шкуры делились поровну^{xx}.

Среди охотников обычно одного рода существовал институт, называемый *təŋ ɣleʃ* (равная доля), заключавшийся в следующем: охотник, собравшийся на промысел (изготовивший запас и охотничье снаряжение), но по какой-либо причине не имеющий возможности пойти на промысел, отдает все снаряжение и запас своему родичу, который и охотится вместо него. Всю добычу они делят пополам. С развитием торговых отношений и ростом имущественного неравенства (см. ниже) этот родовой институт был использован богатыми шорцами для беспощадной эксплуатации своих бедных сородичей. Эта эксплуатация приняла формы так называемого «танышества», а именно: когда богатч шорец снаряжал своих соплеменников бедняков на промысел, снабжал их запасом, одеждой, охотничьими припасами и т.д. и забирал у них после промысла пушнину, устанавливая свои цены; бедняк шорец принужден был снова брать в долг и так должен богатчу и состоял у него в кабальной зависимости из года в год.

Насколько ставило в зависимость шорца-охотника неимение орудия промысла (ружья или наличие плохого ружья) от владельца орудия промысла, видно из рассказа миссионера Вербицкого: «Бедный инородец улуса Кузедеевского (на р. Кондоме), — рассказывает миссионер, — пришел ко мне испросить благословения на добычу зверя. Он и его товарищ, расставляя ловушки на белок, заметили берлогу медведя. Бедняки рады бы вступить в борьбу со зверем без посторонней помощи: ясак их был бы обеспечен, но у обоих у них было только одно ружье и то поперечное. Делать нечего, пригласили к себе в товарищи с правом равной доли еще двоих с винтовками, а сами пошли с одними топорами указывать берлогу. При этом Михаил прибавил: “Вот так-то все от нас к богатым переходит”» [Вербицкий 1862: 266].

Ореховым промыслом — сбором кедрового ореха — было занято (по данным Статистической экспедиции С.П. Швецова в 1900 г.) 25,9 % хозяйств. В некоторых волостях процент хозяйств, занятых ореховым промыслом, доходил до 50 и до 70 (так, например, в Казановской волости 47,8 %, в Кондомо-Барсиатской 70,1 % и т.д.). В старину территории кедровника также распределялись между родами. Ехать промысливать орех в кедровнике чужого рода можно было лишь с согласия последнего. Время отъезда на промысел фиксировалось на предварительном съезде с участием паштыка, тут же уговаривались относительно участков. В более позднее время каждая артель или семья выезжала в тайгу и занимала участок кедровника по своему усмотрению, стараясь захватить ближайший. Другая артель или семья должна была занимать участок на определенном расстоянии от первой. Орудия орехового промысла крайне примитивны. Большая часть их изготовлялась в лесу во время промысла, напр. деревянные терки — *paspaq*, молотки-колотушки *toqpaq*, сито — *ələk*, веялка — *sarqaş*, берестяная коробка для переноски ореха — *tərgiş* и т.д. Время промысла — от середины августа до глубокой осени (1½ мес.). Артель или семья останавливалась станом около развесистого кедра, реже делали балаган из ветвей, здесь же делали закром для ореха. На другой год другая артель, приехавшая вперед, могла занять этот стан. 1 человек набивал от 30 до 120 пудов ореха, смотря по урожаю. Техника сбора ореха примитивна: влезали на дерево (если ствол гладкий и высокий, пользовались пихтовыми жердями; кроме того, существовала специальная обувь), сбивали шишки ударом ноги или руки, топором или деревянной колотушкой (*toqpaq*) с других кедров при помощи деревянных жердей. Женщины и дети переносили орех в закрома, где орех «доходил», затем его перетирали, просеивали и веяли. В некоторых местах поздней осенью собирали так называемые *tüşkən* — упавшие от ветра, вполне созревшие шишки, торопясь обобрать их в течение 5–6 дней и споря из-за них с грызунами. Дети в конце промысла отыскивали норы бурундуков и вынимали из них орех. В ореховом

промысле на ближайших к улусам участках, кроме (л. 6) главных лазаков (которыми бывали иногда и маленькие мальчики), участвовали женщины, дети и старики, которые подбирали шишки, набивали мешки или *tərgiś'u*, перетирали, веяли и т.д.

При дележе продукта или денег все члены артели пользовались одинаковой частью (*on peş qaptañ paqtırlar* — набили по 15 мешков). Даже старики, которые днем немного помогали при ореховом промысле, а вечером рассказывали сказки, и те получали пай. Позже установилась норма распределения ореха в зависимости от выполняемой работы. Так, артель старалась дать большую долю тем, кто лазал на деревья; дети, подбирающие орех, получали *sağm ıyış* — половинная доля. Хотя во многих районах все еще продолжало оставаться равномерное распределение, и даже особенно выдающие «лазаки» получали с согласия артели лишь незначительные надбавки к своему паю.

Продажа ореха производилась или сообща всей артелью или орех делили в лесу и каждый продавал отдельно свою часть. Шорцы-бедняки, которые были крайне заинтересованы в немедленной реализации собранного ореха, сдавали орех тут же в лесу скупщикам (или продавали сразу же после перевозки его домой), причем часть ореха они сдавали за товары или наличные деньги, большую же часть — в погашение долга, так как скупщики в течение года давали им под орех разные необходимые продукты. Эксплуатация скупщиками шорцев-бедняков была при этом самая беспощадная. Так, по словам В.И. Вербицкого, пудовка ореха (1 мера) шла за таковую же ячменя, или шорец сдавал орех берестяной пудовкой — *tergiś*, вмещающей около 1½ пуда ореха, в обмен на хлеб, который он взял у скупщика дома железной пудовкой (вместимостью около 30 фунт.). Потеря промышленника, по словам Швецова, при подобных приемах обмена доходила до 80 %. В эту горячую пору (во время орехового промысла) происходила усиленная деятельность как в среде самих орехопромышленников, так и в среде скупщиков продуктов промысла многих мелких и крупных торговцев. Последним приходилось готовиться к промыслу, пожалуй, даже энергичнее, так как для них период орехового промысла являлся самым серьезным моментом коммерческих операций: им представлялось собрать долги с должников, проехать всю чернь вдоль и поперек и прежде всего заготовить для промышленника весь необходимый для него товар. И действительно, в чернь свозились громадные запасы товаров, начиная с мелочных предметов и кончая партиями живого рогатого скота, пригнанного на убой. Промышленник должен был торговцу уже в то время, когда рассчитывался за старый долг, и «так дело шло из года в год» [Швецов 1903: 24, 33]. Лишь зажиточные шорцы увозили орех домой, высушивали его и выжидали повышения цены на орех, которое обычно наступало вскоре после окончания сезона. Они вывозили орех в степь, где обменивали его

Рис. 3. Дети ловят рыбу руками. Южная Сибирь, Горно-Шорский район.
Фото автора, 1927 г. (МАЭ, колл. 3662-43)

или продавали соседним племенам, или же сбывали на ярмарках в городах и селах.

Рыбный промысел носил товарный характер лишь в низовьях рр. Мрассу и Кондомы и по р. Томи. В верховьях рек рыбачили для собственного потребления (рис. 3), и обычно лишь летом 48,9 % хозяйств занимались рыболовством (1900 г.). В Кондомо-Бурсиатской волости процент доходил до 63,6, в Богораковской — 74,4, Казановской — 84,4, в Кийской — 85,2, в Кивинской — 96,2.

Рыбачили хариуса, тайменя, щуку, налима и т.д. Орудия рыбной ловли: сети — *aq̄ʃpa* и *ə̄ntə*, невод — *sözʏrbə*, морды из тальниковых прутьев — *sʏgən*, корыто — *aʃpar* (изготовленный из жердей ящик), сеть в виде рукава — *para*, острога — *taʃq̄*, удочки — *qarbaq*. Женщины участвовали в рыбной ловле. Прimitивный способ рыбной ловли при помощи сачка (из конопляных ниток) — *ʏskyʏ* — занятие исключительно женское. Женщины же занимались плетением сетей, которые шли на рынок. Так, 15,1 % хозяйств занимались плетением сетей (в Казановской волости — 66,7 %, в Богораковской — 67,1 %) (рис. 4).

В тех случаях, когда рыбная ловля производилась коллективно, все участники промысла, независимо от выполняемых функций и владения орудиями производства, получали равную долю. Но этот порядок в связи с усложнением экономических отношений подвергался в дальнейшем существенным изменениям. Так, если первоначально хозяин сетей получал равную долю с другими, а позже стали выделять в его пользу при богатом улове с общего согласия участников сверх его доли немного рыбы, а иногда и целую долю за сети, то в последнее время богатые шорцы, не участвуя в промысле сами, снабжали артели сетями и получали за это значительную часть добычи. Пережитком коллективного распределения продукта рыбо-

Рис. 4. Ловля рыбы неводом. Южная Сибирь, Горно-Шорский район.
Фото автора, 1927 г. (МАЭ, колл. 3662-5)

ловного промысла является обычай наделять рыбой человека, присутствующего на рыбалке, хотя и не принимающего непосредственного участия в рыбной ловле.

Пчеловодство существовало наряду с примитивным пчеловодением (причем иногда шорец даже не переносил пчелиного роя в свои ульи, а лишь забирал накопленный мед и воск). Найдя дупло с пчелами, шорец ставил на дереве особый знак топором, отмечая этим свою собственность на пчел и мед. Природные условия: расположение хребтов, отсутствие озер, влажности почвы, гари и растительный покров (главным образом кипрей, таволга, малина, а в районе Тельбеса — липняки) создали богатые возможности для пчеловодства, которые, однако, не были использованы из-за примитивной техники пчеловодного хозяйства. 27,8 % хозяйств имели пасеки, в среднем 15,4 колодок на хозяйство (различные ульи были редкостью). У богатых шорцев (напр., по р. Антропу) бывало по несколько сот ульев. Воск и мед шли в обмен с соседними племенами, а также скупались торговцами.

Скотоводство у шорцев, за исключением северной части района, было слабо развито: в южной части района были улусы, где совершенно не держали коров; так, например, на р. Кобырсу на расстоянии 60 верст не было у жителей ни одной коровы, про род *qalar* по р. Мондыбаш (приток р. Кондомы) говорили: «*Qabyrşa cərgə qar suqpas, qalarşa (qalar conşa) mal ɔspəs*» («На косогоре снег не держится, у каларцев скот не растет»).

Обеспеченность скотом и лошадьми (по данным экспедиции С.П. Швецова, 1900 г.) была следующей:

Количество лошадей	Число хозяйств	%
Без лошадей	309	9,4
1	755	23,0
2	884	26,9
3–5	1060	32,3
5–10	256	7,9
10–15	16	0,5
15 и более	2	0,06

Количество крупного скота	Число хозяйств	%
Без крупного скота	621	18,9
1	458	13,9
2–4	1135	34,6
4–6	428	13,04
6–10	404	12,3
10–15	157	4,7
15–20	55	1,3
20–25	15	0,45
25 и более	8	0,24

Глубокие снега заставляли шорцев запасать сено. Большая часть таежных шорцев оставляла сено в стогах и кормила зимой скот «припуском», т.е. отгоняя его к стогам. Богатые шорцы пользовались для заготовки сена, так же как в уходе за скотом, трудом наемных рабочих — *calcъ*.

Выкапывание корней дикорастущих растений имело существенное значение в хозяйстве шорцев. Дикие корни служили подспорьем в хозяйстве, особенно осенью в период обычных весенних голодовок. «Понеже они (татары Каинского и Кобыйского поколения), — пишет Паллас в 1771 г., — к хлебопашеству не имеют способного случая, а скотом очень скудны, то все их пропитание сверх промысла зверей состоит из одних диких кореньев» [Pallas 1776: 366]. «Самые крупные и хорошие коренья добывают татары, на Мразе и Кондоме живущие, и отправляют даже до Абакана» [Pallas 1776: 348]. Орудием копания служил '*ozup*'. Из растений наибольшее значение имел кандык — '*pes*' *Erythronium tens canis*, сапана — '*sarqaj*' *Zillium martagon*, калба — *Allium victorialis*.

Кандык запасали на зиму и меняли сагайцам и качинцам на молочные продукты. Выкапывание корней было делом преимущественно женщин. Май месяц носил название '*pes aj*' — месяц кандыка.

Земледелие практиковалось в незначительном объеме, и техника его отличалась примитивностью. Сеяли большей частью ячмень и коноплю

(*kəndir*). Посевы были незначительны. Средняя площадь посева на одно хозяйство — 1,1 дес. 33,70 % хозяйств не имели совершенно посевов, 20,3 % имели посевы от 0,1 дес. до 0,5 дес. (1900 г.).

Участок под пашню обычно выжигался, и этим участком пользовался тот, кто его очистил. Он обрабатывал его 3–4 года, а затем обычно бросал, переходя на более отдаленный участок.

Земля обрабатывалась «*abyl'om*» — род ручного заступа; лишь изредка употреблялась примитивная соха — «*sala*» или «*salda*» (рис. 5). Колосья срезали серпами (*sərip*), иногда просто вырывали руками. Снопы развешивали сушиться на жердях. Вместо молотьбы обжигали и отбивали утолщенной с одного края палкой — «*toqpaq*». Веяли при помощи *sarəş'a* — берестяного широкого совка. Зерно часто оставляли на всю зиму на пашнях, насыпая его в берестяные чаны, поставленные на сваях. Урожай бывал далеко недостаточный, отчего хлеба не хватало. В северной части района земледелие было плужное. *Abyl* сохранялся для вскапывания огородов.

Зерно толкли в деревянных ступах «*sogo*», мололи на каменных жерновах «*terben*». Коноплю — «*kəndir*» — сеяли ради волокна. Изготовление масла из семян таежным шорцам не было известно. Зерно конопли запе-

Рис. 5. Соха. Южная Сибирь, Горно-Шорский район.
Фото автора, 1927 г. (МАЭ, колл. 3662-14)

Рис. 6. Выбивание холста. Южная Сибирь, Горно-Шорский район.
Фото автора, 1927 г. (МАЭ, колл. 3662-37)

кали лишь в лепешки. Обработка волокон конопли была очень тяжелым трудом и лежала на женщинах. Они же ткали из конопли холст — на горизонтальных ткацких станках, — который и шел на одежду.

Одежда^{xxi}. Отсутствие скота, главным образом овец, и истребление крупного копытного зверя привели к тому, что тасжные шорцы в большинстве изготавливали одежду как зимнюю, так и летнюю из кендыря (рис. 6). Более зажиточные шорцы выменивали или покупали овчины или войлок у соседних скотоводческих племен или фабричные материи от русских. Короткий, застегнутый на одну пуговицу халат, подпоясанный кушаком, очень удобен при ходьбе на лыжах. Часто в таком халате из кендыря шорец бродил и лето, и зиму, в холода и в дожди по тайге. Одежда женщин, за исключением длинной рубахи-платья, почти одинакова с мужской. Любимые украшения — вышивки цветными нитками, а у женщин сверх того еще и раковины каури (*Cypraea monet*) (рис. 7, 8).

Рис. 7. Женщина в будничном костюме.
Южная Сибирь, Горно-Шорский район.
Фото автора, 1927 г.
(МАЭ, колл. 3662-59)

Рис. 8. Пожилая шорка в праздничном
костюме. Южная Сибирь,
Горно-Шорский район. Фото автора,
1927 г. (МАЭ, колл. 3662-58)

Рис. 9. Традиционное жилище шорцев. Южная Сибирь, Горно-Шорский район.
Фото автора, 1927 г. (МАЭ, колл. 3662-39)

Жилище^{xxii}. Жилищем шорцу служила деревянная юрта, крытая берестой с чувалом; летом, а особенно зимой на пашнях — берестяной двухскатный или ромбовидный балаган — *odağ*. Низовские шорцы, а также более зажиточные таежные шорцы имели русские избы. Богачи ставили и двухэтажные дома (рис. 9).

С давних пор шорцы умели добывать и вырабатывать железную руду. Развитие торговли и ввоз кузнечных изделий способствовали упадку кузнечного промысла^{xxiii}.

Пища. Пищей шорцу служил «талкан» — *‘talqan’* — поджаренная мука и *‘şbraq’* — крупа (ячменная)^{xxiv}. Из крупы варили суп — *‘yrgə’* с кусочками конского мяса или сала, из муки делали *tutpağ* — кусочки нарванного руками теста, сваренные вместе с рыбой или мясом. В пищу употреблялось мясо убиваемых на промысле зверей (белку варили вместе с внутренностями в казане, или жарили, воткнув на палку, на углях очага дикорастущие растения, различные ягоды и т. д.). Обитающие в верховьях р. Томи туземцы, по словам Георги (1799), «питались по большей части от звериного промысла и дикими растениями. Земли же совсем не пахали и потому хлеба не ели» [Георги 1799: 164]. В более зажиточных семьях

мука получала все большее распространение. Конина считалась роскошью, и лишь состоятельные шорцы имели возможность покупать и выменивать *soqum'ov* (старых лошадей, предназначенных на убой) у соседних скотоводов. Бедняки иногда покупали *soqum'ov* в складчину^{xxv}.

Средства передвижения^{xxvi}. Лодка-долбянка^{xxvii} — *kəbə*, лыжи — *ʃana*, жеребячья шкура — *sertkə*. В шкуру — *sertkə* — шорец складывает всю поклажу, зашнуровывает и тащит за собою по снегу, привязав при помощи аркана к поясу или при помощи лямок к плечам. В северной части района — еще сани и телеги. Верховой лошадей шорец (в верховьях рек) пользовался^{xxviii} лишь при дальних поездках: летом затрудняла верховое сообщение тайга, зимой — глубокие снега.

Шорцы вели довольно широкую меновую торговлю с соседними скотоводческими племенами. Так, известно, что алтайцы ездили в ясашные Ее Императорского Величества Кондомские волости для смены тулупов и войлоков на котлы и железные абыла, чем землю копают [ЧИОИДР 1866: 85 (1745 г.)].

А в наказе 1622 г. говорится: «...и с колмацкими людьми торговати им (кузнецким татарам), опричь соболей, железом, шеломами и пансырми и рогатинами и саблями не велети».

В рапорте 1745 г. Кузнецкий воевода пишет: «Из Кумандинской де волости прибыли в Итиберскую волость Зангорские калмыки... В Итиберскую волость вышли они для торгу, а товару де при них войлока да лосины да лошади, а меняют де они на козлины да на железо» [Потанин 1890: 114]. Шорцы вывозили в степь орех, мед, воск, меняя их на продукты скотоводческого хозяйства и на хлеб. Корни кандыка меняли сагайцам и качинцам на молочные продукты.

Социальный строй^{xxix}. В социальном отношении шорцы делились на роды (*söök*)^{xxx}. Каждый шорец считал себя принадлежащим к какому-нибудь определенному роду. Каждый род владел определенной территорией и промысловыми угодьями. Это сохранялось в южной части района до последних лет и значительно было нарушено в северной, где на одной территории встречались представители различных родов. С установлением административного деления род первоначально совпадал с управою или волостью. Но развитие частной собственности и обмена, рост имущественного неравенства вместе с разлагающей ролью русского торгового капитала привели у них родовой строй в глубокий упадок^{xxxi}. Тем не менее пережитки родового строя продолжали сохраняться вплоть до последнего времени и сказывались главным образом в семейно-брачных отношениях, в религии и культе. Эти пережитки всячески использовались торговцами, паштыками, эсаулами в целях эксплуатации беднейшего населения.

Большинство кулацких хозяйств создавалось на базе торгово-ростовщической эксплуатации. Так называемые *tanʃy*’ы, буквально ‘приятель’,

выросли из числа тех шорцев, которые сдавали от всей артели пушнину или орех или отвозили ясак, наживались, вступали в торговые сделки с более крупными торговцами. Вышедшие из среды промышленников-шорцев, эти *'tan̄s'* скоро переставали сами заниматься охотничьим промыслом, на промысел снаряжали бедняков, которым они давали в долг продукты, охотничьи припасы и тем самым ставили их в кабальную зависимость и, наконец, всецело переходили на торговые операции, наживая большие состояния. Таковы были богачи-торговцы: Тотышевы в Мысках, Сыркашев в Чульджане, Тельбезеков в Осинниках и др. Для домашних работ (заготовка сена, дров и т.д.) они имели наемных рабочих — своих же соплеменников, работавших у них по найму (оплачивали их хлебом, товаром или деньгами), называемых *cal̄s'*.

Представление о заработках шорцев дают описания миссионера Вербицкого. «Между несущими, — пишет он (речь идет о переноске на себе клади в обход порога на Мрассе), — бывают женщины... Переносная цена за 5 верст по огромным камням серого гранита — от 20 до 25 коп. за мешок весом от 2 до 2½ пудов. Один старик, встретившийся с нами, за перенос 15 мешков взял 2 пуда ржаных сухарей и считал себя в барышах. В день делают от 4 до 5 переходов. Женщины и девочки не отстают от мужчин, а еще их превосходят» [Вербицкий 1875, 31: 5]. «Саглай, — пишет он дальше, — для перевозки ульев и домашности (при перекочевке) расчистил дорогу от старого жилья своего (протяжением в 50 верст), подрядивши 4 человек по 25 коп. в день, которые при помощи его самого с семейством в 4 дня сделали то, что казенным подрядом стоило бы не менее 50 руб.» [Вербицкий 1875, 17: 5]. Русские пасечники в верховья р. Мрассу вплоть до Октябрьской революции нанимали бедных шорцев протоптывать зимой дорогу (по которой они вывозили свой мед), оплачивали хлебом, а иногда медом, которого у них было так много, что в урожайные годы не хватало посуды и приходилось выливать его.

Классовое расслоение было особенно резко выражено в Кузнецкой тайге. В то время как полунищие шорцы бродили по тайге в поисках зверя и систематически голодали, кучка торговцев-шорцев вела торговые операции непосредственно с Томском и Москвой и все больше и больше наживалась. Весною, в период обычного голода в тайге, они давали шорским промышленникам в долг хлеб, огнеприпасы и другие товары под пушнину и орех, а после возвращения артели из тайги с добычей сразу же приезжали или присылали своих приказчиков и забирали за гроши добытую пушнину и орех, применяя обычный метод спаивания шорцев. Эти торговцы распространяли свои торговые операции и на шолганов (челканцев) в районе р. Лебеди, и на притаежное население бывш. Минусинского округа (нынешней Хакасской автономной области). «Ему (т.е. промышленнику в тайге), — пишет Швецов, — не нужно везти продукт (орех) домой, по-

тому что легче и удобнее сбыть здесь же на месте промысла. А если ему понадобится даба, хлеб, свинец, — все это ему доставит тут же более предусмотрительный человек, который задолго до выезда в чернь объедет все аулы и селения и снабдит инородца необходимыми продуктами. Под будущий урожай он дает ему денег, а если инородец откажется, будет предлагать, навязывать до тех пор, пока тот не соблазнится всеми выгодами этой простой операции. А за тем он приобретает над ним те громадные права, которые навсегда закабаляют его в руки этого всесильного царя глухой тайги» [Швецов 1903: 35]. Как сообщает Ядринцев, в торговлю кинулись и русские зажиточные крестьяне, и кузнецкие оседлые инородцы, нажившие богатство. «В Кузнецком округе эти торговые татары, крещенные и некрещенные, заменяют русских торговцев, не уступая по жадности и бесцеремонности наживы самим отчаянным кулакам» [Ядринцев 1891: 93–94]. «Большая часть жителей Красного Яра (низовья Мрассу), — пишет Радлов, — занимается торговлей. Эти торговцы ведут торговлю скотом и товарами в верховьях р. Мрассу, богатство этих селений свидетельствует о том, что торговля эта очень выгодна»^{xxxii}. (л. 10)

Не менее беспощадно эксплуатировали шорцев русские торговцы, пасечники, займщики. «Инородцы Бийского и Кузнецкого округов, — сообщается в журнале. Томского губернского правления за 1854 г. (20 марта), — сделались, неоплатными должниками торговцев и впали в полную от них зависимость. Те же торговцы вывозят ежегодно из принадлежащих инородцам лесов в огромном количестве кедровые орехи, заводят в зверо-промышленных местах пчелиные пасеки и поселения и тем отнимают у инородцев возможность пользоваться местными способами промышленности. Оба эти обстоятельства подвергают инородцев в крайнюю бедность»^{xxxiii}. Швецов же пишет: «Принимая во внимание средние цены (на орех), нужно признать, что вся фаланга стоящих между орехопромышленником и потребителем лиц приобретает на одном пуде ореха более 200 % первоначальной стоимости в черни» [Швецов 1903: 38–39]^{xxxiv}. То же самое относится еще в большей мере и к скупаемой пушнине. Таким образом, торговля в Кузнецкой тайге сводилась к системе кредита, основанного на выжимании ростовщических процентов; она зиждилась на принудительности обмена и вела к обесцениванию продуктов, отчуждаемых в пользу наживающихся торговцев.

Основной формой эксплуатации шорцев царским правительством был ясак, который собирался «с жестокостью, притеснением и лихоимством». После перехода в русское подданство шорцы вносили ясак пушниной, причем раскладывался ясак по родам, и каждый род вносил его от всех своих сородичей. Платежною душою считался мужчина в возрасте от 18 до 60 лет. В рапортах кузнецких воевод ясак указывается в соболях («Карачерская волость 75 человек ясаку 6 сорок 14 соболей, Еленская волость

31 человек ясаку 1 сорок 38 соболей». [Потанин 1890: 88–89 (1745 г.)]. Но при сборе ясака у неимущих отбирали муку и таганы железные «в соболей место» [АИ 1841: 374]. Позже часть ясака, а затем и весь ясак разрешалось уплачивать деньгами. В некоторых волостях паштыки собирали ясак пушниной, а сами вносили часть его деньгами, наживая на этом, или давали шорцу в долг деньги для взноса ясака, а впоследствии получали в значительно большем размере с него пушниной. «Взнос ясака пушным зверем вместо денег, — пишет Вербицкий в 1874 г., — очень невыгоден для инородческих волостей, так как волость сама покупает соболей несравненно по высшей цене, нежели за какую они принимаются в казначействе. Не прекращают они взнос пушнины, вероятно, потому, что башлыкам и сильным людям выгоднее сбывать своих соболей в ясак за высокую цену, которую они слупят с волости. Да и вообще ясак собирается вовсе не по ассигновке полицейского управления, всегда предшествующей сбору ясака, а гораздо выше, если не вдвое, ибо к ясаку же причитается: угощение всей волости и посторонних гостей в обильном количестве вином, мясом, поездка целой ватаги с ясаком, с платою каждому за себя и за лошадь, за содержание ясачников в дороге» и в городе [Вербицкий 1875, 25: 3]. При сдаче ясака устраивалось специальное угощение, обычно с камланием [Вербицкий 1875, 28: 5]. «Все стали, — описывает Вербицкий такой съезд при (л. II) сдаче ясака, — пить, есть и петь, а, наконец, некоторые — ругаться и драться. Все были сыты, пьяны и довольны». Кроме ясака шорцы должны были давать различные поминки соболями, лисицами и другими промысловыми зверьми, что еще больше разоряло хозяйство шорца-охотника. Кроме ясака, существовали и другие повинности: содержание родового управления, земские сборы, дорожные повинности и т.д.

В административном отношении шорцы делились на 26 инородческих управ, позднее — волостей. В основе этого деления лежало деление на роды. Названия волостей в большинстве соответствовали названиям родов, так, напр., Карашорская волость — роду *qara şor*, Елейская — роду *cələj (jələj)*, Итиберская — роду *cətti pörü* и т.д. Каждая управа имела определенную территорию, однако шорец мог селиться где ему вздумается. Но где бы ни жил представитель управы, им ведала только своя управа, вместе со своей управой он вносил ясак, судился у своего паштыка и т.д.

Во главе управы стоял — *paştyq*, выбиравшийся пожизненно; с 1880 г. (по предписанию русской администрации) — на 3 года (шорцы обходили это постановление, что по истечении 3 лет перевыбирали того же *paştyq* 'а или кого-нибудь из его родственников). На обязанности *paştyq* 'а лежал сбор ясака (собирали ясак особые помощники-эсаулы) и разбор судебных дел. Способ раскладки и сбора ясака давал *paştyq* 'ам широкие возможности злоупотреблений и возможность быстрого обогащения. Поэтому

служившие *paštyq* 'ами шорцы становились в результате своей службы богачами. Богатые же шорцы и замещали обычно выборные должности.

В середине лета все родовичи («платежные души») собирались в одно определенное место, поблизости от места жительства *paštyq* 'а, — здесь происходила раскладка ясака и затем разбор накопившихся дел. За различные правонарушения полагался выговор, штраф или розги. Провинившегося шорца паштык мог отдавать на год к достаточному соплеменнику^{xxxv}. Дела, касающиеся всех шорцев, как, напр., раскладка сборов, орехового и зверового промысла и др., решались общим съездом, на котором собирались *paštyq* 'и и их помощники и наиболее уважаемые, т.е. богатые, шорцы. Бедные шорцы из-за дальности расстояния не всегда имели возможность ехать на съезд, и с их мнением все равно никто не считался. Зато своевременно к ним приезжали взыскивать ясак, и им оставалось продавать или сдавать за бесценок пушнину, брать ей деньги в долг под работу или убежать и прятаться, пока не уедет сборщик. Общие съезды впоследствии стали заменяться частичными, на которые съезжались лишь представители заинтересованных управ. В 1912 г. было произведено землеустройство и коренная реформа административных единиц, реформа старой родовой формы управления, изжившей себя и вступившей в противоречие с новыми общественными отношениями: управы были преобразованы в волости, шорцы были подчинены волостным правлениям. Реформа эта проведена была вопреки желанию шорцев и вызвала глухое сопротивление. «Иногородцы, — пишет миссионер, — пытались было сопротивляться этой реформе, не отдавая печатей своих паштыков»^{xxxvi}.

Религия. Религиозные воззрения шорцев неразрывно связаны с охотничьим промыслом. Основные обряды — жертвоприношения хозяевам гор и леса, от которых, по представлениям шорцев, зависит успех на работе, воскресение и умилоствление убитых зверей. Культ гор — охотничьих территорий отдельных *söök* 'ов — был родовым. Родовыми же были и духи. В культе Ульгения мы имели отражение агнатного рода, в культе *Umaj* (*Pajana*) — когнатного.

Представления о душе и судьбе души после смерти особенно ярко выявлялись в лечении болезней и в погребальных обрядах. Шаманство носило ярко выраженный родовой характер. Шаманское искусство, равно как и шаманские духи, были наследственными в определенных родах. Но шаманство у шорцев перешло в высшую стадию своего развития: из искусства оно превратилось в профессию. Шаман уже меньше участвовал непосредственно в производственной жизни общества, а, посвятив себя всецело шаманству, жил главным образом на доходах от камлания. В его пользу шли в первую очередь шкуры жертвенных животных, лучшие части мяса, но он получал плату и деньгами. Бедняки-шорцы, которые не имели возможности уплачивать требуемую за камлание сумму, вынуждены были

работать на шамана. Отсюда неизбежна и классовая роль шамана, его служба интересам богачей и кулаков. Шаманами могли быть мужчины и женщины. Из атрибутов шаман имел бубен и колотушку (облачение отсутствовало). Официально шорцы считались православными. Алтайская духовная миссия, начавшая свою деятельность на Алтае в 1830 г., обслуживала Кузнецкий округ в течение ряда лет только отдельными миссионерами. В 1858 г. был открыт первый миссионерский стан в улусе Кузедеевском по р. Кондоме (в 80 км от гор. Кузнецка), затем миссия продвигалась все дальше и глубже в тайгу, вверх по р. Кондоме, перенесла в 1894 г. свой стан в улус Кондомский (в 160 верст от Кузнецка). Позднее миссия распространила свою деятельность на район р. Мрассу (Усть-Анзасский и Очаевский станы) и даже в юго-зап. район Енисейской губ. (Матурский стан, 1905 г.). Таким образом, миссия охватила своими станами всю тайгу и способствовала крещению и обрусению шорцев. Несмотря на это, шорцы продолжали оставаться анимистами. И до Октябрьской революции шаманы играли в их религиозной жизни более значительную роль, чем священники (л. 12).

Народное творчество^{xxxvii}. Фольклор шорцев состоит из рассказов, связанных с охотничьим промыслом, из легенд о хозяевах гор, леса и воды, о животных (особенно медведе). Более поздним слоем в фольклоре шорцев являются длинные героические поэмы о подвигах героев-ханов, отражающие быт богатых скотоводов. Эти сказания рассказываются нараспев под аккомпанемент музыкального инструмента *‘qobŷš’* а сказителями — *‘qajŷš’*. В фольклоре нашли также свое отражение воспоминания о набегах киргизов и столкновениях с ними, а также борьба с народом, называемым шорцами — *‘ŷot con’*^{xxxviii}.

Язык. Шорский язык принадлежит к турецким языкам. Он имеет заметные отличия в области как фонетики, так и морфологии в различных частях района. Шорским литературным языком является язык населения низовья р. Мрассу, так называемого Мрасского куста^{xxxix}.

Социалистическое строительство. Не сразу после Октябрьской революции стало разворачиваться в Горной Шории социалистическое строительство: в 1918 г. на территории Горной Шории (резиденция в улусе Осинники по р. Кондоме) был организован национал-областниками Кузнецкий отдел Горной думы (Каракорумской Алтайской управы); до 1922–1923 гг. продолжалась Гражданская война. Лишь в 1925 г. район расселения шорцев был выделен в национальную единицу — Горно-Шорский район, подчиненную Зап.-Сиб. крайисполкому, с центром Томазак-Мыски (в низов. р. Мрассу) в 45 км от Кузнецка (общей площадью 27 200 кв. км в составе 34 сельсоветов), в число последних входил до 1926 г. и Суронаж-Байгольский сельсовет, населенный шолганами, — ныне Лебедской аймак Ойротской автономной области.

Перед районом стали задачи превращения из района с отсталой примитивной техникой охотничьего и земледельческого хозяйства, с неразвитым скотоводством в планово-охотничий промысловый район, полной реконструкции сельского хозяйства и использования природных ископаемых богатств. Несмотря на то что сельское хозяйство из-за разбросанности и распыленности отдельных хозяйств и населенных пунктов и из-за примитивной техники до сих пор еще недостаточно интенсивно, малотоварно и не обслуживает всех нужд района, район имеет в области реконструкции сельского хозяйства значительные достижения. На базе коллективизации шорцы приступили к техническому переоборудованию сельского хозяйства¹. Так, в 1932 г. организовали МТС (поднявшую 3 тыс. га), имеется 29 МТФ с поголовьем 3 189, КТФ с поголовьем 124 и 7 СТФ с поголовьем 494. Увеличение количества скота за I пятилетку выразилось в следующих цифрах:

Год	Коров			Лошадей			Овец		
	Всего	В един. сект.	В соц. сект.	Всего	В един. сект.	В соц. сект.	Всего	В един. сект.	В соц. сект.
1928	16 368	16 309	59	11 942	11 901	41	10 162	10 141	21
1932	14 446	5 398	9 048	10 392	4 319	6 073	13 299	8 449	4 850

Площадь посева увеличилась с 4 407 га в 1928 г. до 22 594 га в 1932 г., причем около 90 % приходится на обобществленный (л. 13) сектор. Валовая продукция сельского хозяйства увеличилась с 2 757,2 до 7 098,3 тыс. руб. В связи с требованиями развивающейся промышленности как внутри района, так и вне его (Кузбасс) сельское хозяйство получает животноводческо-овощное направление.

В 1928 г. в районе было всего 6 колхозов, в 1932 г. имеется 85 шорских колхозов из общего числа 175. Процент коллективизации шорского населения — 73,6, всего населения района — 52^{хл}. Преобладающая форма хозяйственных объединений — охотничье-промысловые артели.

Охотничье хозяйство сохраняет огромное экономическое значение и обслуживает запросы экспорта. Оно носит в настоящее время планово-организационный характер; ведется борьба с хищническим истреблением ценного зверя; внимание заготовительных учреждений («Сибпушнина», «Интегральная кооперация») направлено на использование менее ценного зверя (так, около 50 % заготовки пушнины падает на бурундука и крота). Организовано 2 заповедника (площадь около 4 000 га) и небольшой маральник (около Томазак). Заготовка пушнины по «Райинтегральному союзу» — 911 853 шкур на сумму 541 308 руб., по «Запсибпушнине» — на сумму 520 356 руб. (в 1932 г.). Валовой доход от охоты с 428,4 тыс. руб.

(в 1928 г.) вырос в сумму свыше миллиона рублей (в 1932 г.), доход на одного охотника — с 104,18 руб. до 304,20 руб.^{xiii} Условия района весьма благоприятны для развития пчеловодства: район может вместить до 500 тыс. семей пчел и дать продукцию за лето на 31–32 тыс. руб.^{xiii} В настоящее время в колхозном секторе имеется 23,7 т. руб. пчелиных семей, из которых 77 % рамочных, и 7,7 тыс. семей пчел — в единоличном секторе. Кроме того, имеется 65 товарных пасек. Заготовка кедрового ореха выражается в 500 тонн, рыбы — 500 центн. Леса являются одним из основных богатств края. Возможность годовой эксплуатации определяется примерно в 1 500 тыс. кубометров. Капиталовложения — 4 400 тыс. руб. (1932 г.). Занято рабочих шорцев 500 чел. из общего числа 1 600 чел. (в 1930 г. шорцев было всего 60 чел.).

Особенно богат Горно-Шорский район горными ископаемыми и водными ресурсами. Совершенно исключительное значение имеют залежи каменного угля (в Себирги, например, пласт высококачественного угля — 13,5 м. Осинновский рудник дал угля 400 тыс. т) и железа (добыча руды в одном Тельбесе — 300 тыс. т). Создание Кузнецкого металлургического завода вызвало быстрое развитие промышленности^{xiv} в Горно-Шорском районе, являющемся его основной сырьевой базой; так, например, рудники в Тельбесе, Темир-тау, обогатительная фабрика в Мондыбаше, разработка угля в Осинниках, Шарабашерские рудники, Ташалгинское месторождение и т.д. Золотопробышенность состоит из 5 основных приисковых групп: Спасск, Казаны, Б. Викторовск, Калаташ, Ивановск Кядятат. Вовлечение шорцев (л. 14) в промышленность выражается в следующих цифрах^{xiv}:

Наименование учреждения	Занято рабочих		В том числе шорцев		% шорцев		Капиталовложения (в тыс. руб)		% увеличения в 1932 г.
	1931	1932	1931	1932	1931	1932	1931	1932	
Железн. рудники Тельбес-Темир-Тау	3 642	4 905	18	700	0,05	14,3	3 500	13 868,9	306
Золотопробышл. рудн. Спасск-Ивановское	973	1 500	120	300	12,4	20,0	768,0	1 196,0	15,6
Железн. рудники Ташалга	1 360	1 500	93	300	6,8	20,0	860,4	3 654,5	425
Лесоучасток Кузбассугля	1 353	1 608	60	500	4,4	31,1	1 800,0	4 400,0	244
Итого	7 328	9 513	291	1 800	6,0	18,9	6 928,4	23 119,4	

Проложена железнодорожная ветка от Сталинск-Кузнецка до Темиртау (в 1931 г.), в 1933 г. протяжение ветки уже 200 км. На расстоянии 80 км (до Кузедеева) дорога сдана в эксплуатацию. Проложены тележные дороги от Кузнецка до Ташалги (80 км) (раньше дорога доходила лишь до Томазак 45 км) и от Томазак до Усть-Кобырсу через Кондому (по верховному пути расстояние Томазак–Усть-Мрассу 250 км)^{xlvi}.

Культурное строительство^{xlvii}. Большие достижения имеет район в области культурного строительства. До Октябрьской революции низкий культурный уровень населения, необеспеченность и общие бытовые условия способствовали развитию таких заболеваний, как сифилис и трахома^{xlviii}. В основном лечение находилось в руках шаманов. С 1927 г. в районе функционирует постоянный вендиспансер в улусе Чилису-Анзасе. В 1932 г. имелось 8 больниц, 9 амбулаторий, 5 врачебных участков, 13 фельдшерских медпунктов, 12 аптек. Ассигнования на здравоохранение выросли с 16,2 тыс. руб. (в 1928 г.) до 203,9 тыс. (в 1932 г.).

До 1917 г. шорцы были в основном неграмотны (по данным 1900 г., грамотных шорцев — 1 % и 99 % неграмотных, из них грамотных мужчин — 1,9 %, женщин — 0,19 %). В настоящее время грамотность шорцев — 70 %. В районе функционируют 48 ликпунктов с охватом в 2 420 чел. (из них 1 592 женщ.), 32 школы малограмотных (обучается 826 чел.). До революции существовали лишь миссионерские школы для насильственного обрусения туземцев. После Октябрьской революции шорцы получили свою национальную школу. В 1913 г. было всего 8 школ, в 1928 г. — 33 школы, из них 20 шорских; 1932 г. — 109 школ, из них 85 шорских. Охват школой — 94 % детей (охват шорских детей — 99 %). На 1933 г. имеется 4 школы ФЗС, 5 ШКМ и педтехникум. Кроме того, около 150 шорцев обучаются в различных вузах Союза. Закончившие свое образование шорцы уже работают на ответственных постах в своем районе. В. Кирсанов — ответств. редактором газеты — *‘q̄b̄z̄l̄ šor’*, А. Напазаков — зав. финотделом РИКа, А. Сербигешев — культпропом Райкома, Ф. Чистяков. — зав. Районо и др. Дошкольным воспитанием охвачено 375 шорских детей. Работают до 15 детплощадок. В 16 нац. советах функционируют 9 изб-читален (всего в районе 22 избы-читальни, 56 красных уголков. Ассигнования на народное образование выросли с 43,3 тыс. руб. в 1928 г. до 730,1 руб. в 1932 г.).

До Октябрьской революции шорцы не имели своей письменности. Миссионеры внедряли литературу духовного содержания на приспособленном русском алфавите. Торговцы-шорцы для своих торговых записей употребляли пиктографическое письмо. Только после Октябрьской революции шорцы получили письменность на родном языке на основе унифицированного нового тюркского алфавита (*jañalif*). В 1921 г. были изданы 3 книги, к 1934 г. имеется уже 59 книг. Издается газета на шорском языке — *‘Q̄b̄z̄l̄ Šor’*.

Рост парторганизации выразился в следующих цифрах: в 1929 г. — 121 член (из них 51 канд.) — 12 шорцев, в 1932 г. — 567 (из них 397 канд.) — 216 шорцев. Рост КСМ: в 1929 г. — 219 чел. (из них 37 шорцев), в 1932 г. — 2 519 чел., из них 798 шорцев.

Рост населения района — 34 761 чел. в 1931 г., 68 188 чел в 1932 г., 85 000 чел. в 1933 г. — происходит главным образом за счет рабочих строек. Русское население составляет 55,5 %, шорцы — 33,6 %, мордва — 7,6 %, чуваша — 1,1 %, проч. — 2,2 %. Социальный состав: новых рабочих — 42,7 %, колхозников — 33 %, единоличников — 15 %, служащих — 8,7 %, нетрудоспособных — 0,6 %.

В административном отношении Горно-Шорский район делится на 34 сельсовета и 4 послековых совета. Центр — района село Кузедеево по р. Кондоме в 80 км от Сталинска-Кузнецка (перенесен из улуса Мыски-Томазак на р. Мрассу в 1932 г.) (л. 15).

Примечания

ⁱ В более раннем варианте рукописи в этом разделе указана следующая информация: «Официальное название шорцы. Самоназвание шор — “шорец”, шор-кижи — “шорец человек”. Название “шор”, объединявшее группу родов тюркоязычного населения рек Мрассу, Кондомы и Томи, окончательно утвердилось как самоназвание “шор” (мн. ч. — “шорлар”) и как официальное название “шорцы” лишь после Октябрьской революции» [Ед. хр. 233. Л. 1].

ⁱⁱ Устаревшее наименование тюркоязычных народов.

ⁱⁱⁱ В раннем варианте статьи Н.П. Дыренкова пишет о том, что за пределами своей тайги шорец мог называть себя также аба-кижи — «абинец человек», шор-кижи — «шорец», аба-чиш-кижи — «абинец = черновой». «Название ‘аба’ и ‘шор’ являются, по существу, названием двух родов — ‘аба’ (буквально ‘отец’, также ‘медведь’) и ‘шор’ с подразделениями кара шор, сарыг шор» [Ед. хр. 233. Л. 1].

^{iv} Настоящий раздел в раннем варианте статьи написан более подробно. «Под названием аба был известен у шорцев вплоть до последних лет; род, обитающий в основном на р. Томи вблизи г. Кузнецка [ныне — Новокузнецк] (ср. название Кузнецка “Аба-Тура” — отец-город), абалар называли этот род шорцы, абинские татары и абинцы» [Ед. хр. 233. Л. 1–2]. Абинцы — скорее всего предки современной северной (лесостепной) группы шорцев. «Название шор являлось именем рода, обитавшего в основном на реке Кондоме. С представителями этого рода впервые столкнулись миссионеры Алтайской духовной миссии (основавшие свой первый миссионерский стан на реке Кондоме в селе Кузедеево в 1858 г.), назвавшие этим именем все население Кузнецкой тайги. Название шорцы, повторенное позднее (в 1902 г.) академиком В.В. Радловым, утвердилось в научной этнографической литературе XIX и XX вв., было принято при национальном самоопределении как самоназвание шор (мн. ч. — шорлар) и как официальное название (в форме ‘шорцы’). Шор и аба-кижи называли шорцев соседние племена и народности. Телеуты, живущие в Беловском районе Новосибирской области [сейчас это район в Кемеровской области. — *Сост.*], по рекам Большой и Малый Бачат, называли шорцев шор кижы и абалар, кумандинцы Солтонского района

Алтайского края и челканцы Ойрот-Туринского аймака Ойротской автономной области [сейчас Турочакский район Республики Алтай. — *Сост.*] называли их шор киж, живших в верховьях рек — чиш-кижи, ойроты (алтайцы) Ойротской автономной области называли также их шор киж или аба киж, хакасы (сагайцы и качинцы) называли сорлар (шорлар) или чыстагы (таежный). В воеводских о[т]писках, казачьих донесениях и сибирских летописях XVII–XVIII вв. нынешние шорцы называются мрасскими и кондомскими татарами и кузнецкими татарами. Под именем кузнецких татар упоминаются шорцы («в тех местах, где реки Кондома и Мраза с Томью соединяются») и у историков Сибири XVIII в. Миллера и Фишера. В старой русской литературе встречаются также наименования ‘шоры’, ‘черневые татары’, ‘мрасские и кондомские татары’, ‘кондомцы’ и ‘мрассы’ по названию рек Кондома и Мрассу» [Ед. хр. 233. Л. 2–3].

^v «В настоящее время шорцы входят в три района Ново-Сибирской области: Кузедеевский, Мысковский и Таштагольский, образованные указом Президиума Верховного совета РСФСР от 22 июня 1939 г.» [Ед. хр. 233. Л. 3].

^{vi} В гранках эта цифра вычеркнута.

^{vii} Ссылки на работу нет. Деникер (Deniker) Жозеф (1852–1918) — французский антрополог. Труды по сравнительной эмбриологии высших приматов, классификации рас современного человека.

^{viii} Ссылки на работу нет. Монтандон (Montandon) Жорж (1879–1945) — французский антрополог, классификатор рас современного человека.

^{ix} Следует читать: Джунгарии.

^x В рукописи и гранках статьи не указано, какая именно работа миссионера В.И. Вербицкого цитируется, поэтому восстановить ссылку не удалось.

^{xi} Отсутствующая ссылка восстановлена по более позднему изданию: [Кузнецкие акты 2000: 33–35 (док. № 5)].

^{xii} В раннем варианте рукописи эти восстания перечислены: 1621, 1629, 1694, 1710 гг. [Ед. хр. 233. Л. 6].

^{xiii} В раннем варианте статьи дополнительно указано: «позднее төл — большая семья» [Ед. хр. 233. Л. 11].

^{xiv} Хакасы.

^{xv} Далее вычеркнуто: «застреливший получал рога».

^{xvi} Далее вычеркнуто: «артелью из 3–5 человек».

^{xvii} Далее вычеркнуто: «в апреле».

^{xviii} Это предложение на листе 5 [Ед. хр. 232. Л. 5] написано неизвестной рукой в конце текста еще раз в несколько другой форме: «Маралов и коз били из ружья летом, карауля их на солонцах и на звериных тропах, которые посыпают солью».

^{xix} Кайок (*тюрк.*) — лыжная палка.

^{xx} Этот абзац Н.П. Дыренкова предполагала включить в примечания.

^{xxi} Разделы «Одежда», «Жилище», «Пища», «Средства передвижения» выделены Н.П. Дыренковой на полях гранок статьи. В более раннем варианте статьи раздел «Одежда» освещен подробнее. «Отсутствие крупного копытного зверя привело к тому, что таежные шорцы в большинстве изготавливали одежду, как летнюю, так и зимнюю, из кендыря (волокна конопли). Более зажиточные шорцы выменивали или покупали овчины или войлок у соседних скотоводческих племен

народов или фабричные материи от русских. Обычная одежда шорца — рубаха (*күўнек*) с прямым или косым воротом, иногда обшитым цветной материей, и штаны (*чанбар штан*) с ошкуротом из конского волоса или конопляной веревкой. Шабур — верхний короткий, застегивающийся на одну пуговицу халат, запахивался слева направо и подпоясывался кушаком. Ворот, грудь иногда и нижняя часть пол обшивались тесьмой. Часто в таком халате (из самотканого конопляного холста) шорец бродил и лето, и зиму в холода и дожди по тайге. Шапка (*пөрүк*) шилась из холста или бязи. Зимой носили также меховые (с ушами) шапки. Обувь: чирки (*чарык*) — просторные из продыmlенной кожи, у бедных иногда с голенищами из кендыря. Чирки подвязывались у колен ремнями. В них вкладывали мягкую траву рода осоки (*озангат*). Эту траву вырывали в июне и связанную в пучки вешали сушиться на деревья. Высушенной травой обертывали ноги. Встречалась обувь из оленьих камусов. При себе шорец имел всегда предметы курения: деревянную с выгнутым чубуком трубку (*каңза*), огниво (*отук*), кремль (*отук таи*) и кисет кожаный или матерчатый (*нанчик*), а также нож в ножнах (*пычак кыны*). Женская одежда, за исключением рубахи-платья, почти одинакова с мужской. Женская рубаха (*күўнек*) длиной в рост человека, являвшаяся одновременно и платьем, шилась с разрезом на груди. Полы обшивались полосами из других материй. Штаны (*штан*) короче мужских, без разреза. Верхний халат из кендыря, манчестера, у богатых — плиса (темного цвета). Грудь халата украшалась вышивкой цветными нитками или раковинами каури Сургаеа monet, полы и обшлага обычно покрывались вышивкой. Зимой шорец носил тот же шабур, только тепла часто надевал их два, один поверх другого. Зимой носили рукавицы из овечьей шерсти, в юго-западной части района — шерстяные чулки и кушаки, получаемые от соседних кумандинцев. Специальным охотничьим костюмом шорца являлась длинная куртка из войлока, простегнутая нитками и крытая холстом или вообще какой-нибудь старой материей, и перелина-воротник из барсуковой кожи» [Ед. хр. 233. Л. 28–29].

^{xxii} Более развернуто этот раздел статьи освещен в раннем варианте статьи: «К концу XIX в. большинство селений насчитывало до десятка юрт, а иногда всего 2–3 юрты, принадлежавшие близким родственникам и носящие обычно название по имени старшего родственника, например Одор аал ‘Одоров улус’ (рода Кобый төль Шулбаев в системе реки Кобырсу), Очай аал Очаев улус (род Таяш в системе реки Чилису). Другим типом селения было селение, смешанное в родовом отношении. В подобных селениях обычно насчитывалось больше десятка юрт или домов, и они носили название в зависимости от особенностей местности, от названия речки или ключа, на котором были расположены, горы, у основания которой располагались. Например, Ак кая — ‘Белая скала’, Узун аргы — ‘Длинный остров’, Том азак — ‘Устье Томи’, Тос аалы — ‘Сосновая гора’ и т.д. Шорец менял местожительство в основном по двум причинам: он переселялся ближе к новым пашням и бросал старое местообитания после смерти кого-либо из членов семьи. Исследователи начала XX в. часто не могли найти многих селений, указанных на старых официальных картах, составленных в 60-е гг. XIX в., так как, жители этих селений перекочевывали в другие места, и с их уходом часто исчезали и сами названия этих пунктов. По рассказам стариков и по этнографическим источникам известно, что в XVIII в. вплоть

до середины XIX в. шорцы имели землянки. Последние представляли собой сруб, наполовину опущенный в землю, свет в которую проникал через дымовое отверстие в покрытой землею крыше (потолке из жердей). К концу XIX — началу XX в. жилище шорцев в основном было двух видов: первый представлял собой двускатный деревянный шалаш, конический или трапециевидный, из бревен, досок, жердей, крытый берестой, с земляным полом и очагом посередине. Этот тип жилища сохранился в качестве летнего жилья в Южной Шории: как временное жилище на пашнях во время сельскохозяйственных работ и как охотничий шалаш на местах промысла. Однако местами этот тип юрты, обычно утепленный, т.е. покрытый двойным слоем бересты, забросанной землей, служил и зимним жильем для бедноты. Другим видом жилища являлась деревянная бревенчатая юрта из четырехугольного сруба бревен. Крыша которой крылась берестой. Глинобитный очаг (*кебеге*) располагался у стены влево от двери и имел в отдельных случаях трубу, сплетенную из прутьев (*сүзән*). Наряду с юртой в конце XIX в. имелись уже русские дома, особенно в Северной Шории. Однако бревенчатые юрты по численности (в южной части района по системе притоков главных рек) значительно превышали количество домов. Богачи-шорцы строили двухэтажные дома. Хозяйственными постройками были в Южной Шории деревянные срубы на четырех столбах (*мачкак*) и амбары (*амбар*) на четырех—шести столбах, врытых в землю. В Северной Шории наряду с подобными амбарами встречались и амбары обычного типа. У торговцев-шорцев амбары достигали значительного размера: они строились в два и даже три этажа [Ед. хр. 233. Л. 26–27].

^{xxiii} В раннем варианте статьи подробно описана плавка железа: «К отраслям домашнего производства, начинающим выделяться в ремесла, можно прежде всего отнести кузнечество. Приемы добывания железной руды и обработки ее шорцами были известны с глубокой древности. К моменту русского завоевания кузнечество было широко известно. Так, в самом начале XVII в. “Томские земли князек Тоян сообщал, что в томской вершине живут 200 человек кузнецов, делают доспехи и железца стрельные и котлы выковывают” [Оглоблин 1900: 214]. О некогда развитом в этом крае добыче руды говорят и названия гор, например Темир-Тау (Тейбир таг) — ‘железная гора’, Ташалгы (таш алгы) — ‘место, где берут камень’ — крупные центры обработки руды нынешней Горной Шории. Возможно, что название города Аба-тура — Кузнецк и местного населения ‘кузнецкие татары’ русскими историческими источниками связаны с развитием некогда в этих районах кузнечества. Изделия из железа шли для меновой торговли с соседними племенами, а также на уплату албана — дани кыргызам, а позднее и русскому царю. “А некоторые кузнецкие люди, — сообщается в донесениях XVII в., — живут от кузнечного острога далеко, и теми кузнецкими людьми владеют калмыцкие люди и ясак с ни емлют соболями и железом всяким деланным” [уточнена ссылка по: Кузнецкие акты 2000: 83 (док. № 25)]. Обработка железной руды и кузнечество перестали существовать у шорцев, по-видимому, уже в начале XIX в.» [Ед. хр. 233. Л. 22–23].

^{xxiv} В раннем варианте статьи: «Для приготовления той и другой зерна ячменя поджаривались на огне в плоском котле (*корбуш*). Жареные зерна толкли в деревянных ступах (*сак*) деревянным пестом (*сак палазы*), затем провеивали осо-

бым деревянным или берестяным широким совком (*сырбай*) и мололи на ручной мельнице. Полученная в результате размолы крупа или мука, просеивалась при помощи деревянного обтянутого кожей решета (*элгек*). Оставшуюся после просеивания крупу и отруби провеивали вторично тем же совком (*сырбай*). Толкали с чаем, холодной водой, молоком, с медом и там, где представлялась возможность, с маслом и со сметаной. Из толкана же приготавливали густую кашу (*спала-мат*). Крупа шла на приправу к супу, ее варили также (на реке Кондоме и ее притоках) с молоком, с молоком и рыбой, с молоком и мясом, с молоком и кандыком» [Ед. хр. 233. Л. 29–30]. «*Тертнек* — лепешки из пресного теста, варенные в кипятке, если с супом (из мяса) или с ухой (из рыбы). Хлеб из покупной пшеничной или ржаной муки могли иметь в достаточном количестве далеко не все шорцы. Из дикорастущих растений употребляли в пищу стебли зонтичных растений (*болтырбан*), корни сараны (*сарбай*), кандыка (*нес*), чермшу (*калба*), мелкий дикорастущий лук (*оксул*). Большинство растений употребляются в сыром виде. Корни кандыка и сараны запасали на зиму, варили в воде и молоке. Дикорастущие растения играли существенную роль в питании бедняков-шорцев, особенно в период голодовок» [Ед. хр. 233. Л. 30].

^{xxv} В раннем варианте статьи: «Запеченные в золе очага тушки белок охотники приносили домой; они считались лакомством. Из птиц употребляли в пищу глухарей, рябчиков, куропаток, тетеревов и в большом количестве различные породы уток. В тех районах, где держали коров, некоторое значение в питании имели молочные продукты. Из молока изготавливали, кроме масла, особый сыр кыштак; последний ели с чаем: он заменял хлеб» [Ед. хр. 233. Л. 30–31].

^{xxvi} В раннем варианте статьи более подробно освещен вопрос о путях сообщения: «Пути сообщения в тайге были очень трудны. Только тележная дорога всего на протяжении 50 километров (от г. Кузнецка до улуса Красный Яр) и две верховые дороги — одна от г. Кузнецка через улус Кобырсу в систему рек Матура (через Обь-Енисейский водораздел) и другая — от улуса Сузоп (в 100 километрах от г. Бийска, через Спасский золотой прииск до улуса Тельбес через реку Мрассу, около улуса Кечин, далее по реке Кыйзас также в систему реки Матура и Таштыпа — проходили по кузнецкой тайге. Обе эти верховые дороги вели в степные местности к г. Бийску и г. Минусинску и являлись путями, по которым шорцы ездили «в степь» за хлебом. Верховые таежные дороги — узкие тропинки — пролегли через горы и лесные чащи, колодины, камни, через топкие болота и почти не отличались от звериных троп. Летом передвигались в лодке по воде и верховыми путями и тропами, а зимой ездили на санях (преимущественно в северной части района) и шли на лыжах (в нижней части)» [Ед. хр. 233. Л. 31].

^{xxvii} В раннем варианте статьи имеется дополнение: «Проезд по реке Мрассу затруднялся порогом, протяжением в 7 километров. Лодки приходилось тянуть на веревке около берега. Люди шли по каменистому берегу пешком и перетаскивали грузы. Многоводными являлись реки Томь, Мрассу и Кондома» [Ед. хр. 233. Л. 31–32].

^{xxviii} Как правило, в южной части Шории.

^{xxix} В гранках из данного раздела исключена информация о разделении труда, внутрисемейных и внутриродовых отношениях. Этот материал был рассре-

доточен по другим разделам, однако целесообразно дать его по более раннему варианту статьи: «В шорском обществе существовало естественное разделение труда. В охотничьем промысле исключительно участвовали мужчины-шорцы, последние проводили большую часть года в тайге. Мужчины же играли основную роль и в кедровом промысле (лазали на кедр). Женщины были исключены из участия в этом промысле. Они принимали участие в рыболовстве, причем примитивный способ рыбной ловли — ловля рыбы сачком и добывание мелкой рыбы из-под камней — были занятием исключительно женщин и детей. В кедровом промысле женщины выполняли подсобные работы, подбирали сбитый орех, переносили его, веяли и т.д. Женщины занимались собирательством (выкапыванием корней сараны и кандыка), на женщине же лежала вся тяжесть домашней работы: вязала невода, обрабатывала кожу и кендырь, ткала, шила обувь и одежду. “Занятия черневых татар (подразумеваются шорцы), — писал А.В. Адрианов в 1887 г., — можно подразделить на занятия собственно домашние, которые производятся почти исключительно женщинами, и земледелие и промыслы (ореховый, звериный) и пчеловодство. Домашние занятия заключаются в уходе за скотом, добыче и приготовлении материала для одежды и обуви и шитье последних, в выделке посуды и множестве различных мелких работ по хозяйству. Все эти многосложные занятия целиком лежат на плечах женщины. Мужья по дому почти ничего не делают, кроме построек, он не наколет дров, не принесет воды, предпочитая сидеть с трубкой в зубах или ездить по гостям, принимать их у себя, беспечно пить водку, которую должна насидеть также женщина”» [Ед. хр. 233. Л. 23–24].

^{xxx} В раннем варианте статьи читаем: «Ряд отдельных обрядов, связанных с заключением брака, институт авункулата и т.д. свидетельствуют о том, что в более раннюю эпоху у шорцев существовал материнский род. Классификаторская система родства, институт левирата, сорората, запреты женщины по отношению к старшим мужским родственникам мужа и т.д. говорят о групповом браке, который знали шорцы в прошлом. Пережитками рода и былых первобытно-общинных отношений являлись прежде всего 1) общеродовое владение охотничьими принадлежностями и расселение по родовому признаку, сохранявшиеся в южной части Горной Шории вплоть до последних лет и значительно нарушенные в северной части, где на одной территории встречались представители различных родов. ...Принадлежащие к одному роду шорцы называли друг друга карындаш — единоутробный (термин, восходящий к материнскому роду)» [Ед. хр. 233. Л. 33].

^{xxxi} В раннем варианте статьи написано: «Эти тóбли, являвшиеся основными хозяйственными единицами, охватывали по 2–3 поколения близких родственников, которые жили вместе в одном селении, вели общее хозяйство и сообща владели собственностью. С развитием собственности и особенно вследствие широко развернувшейся торговли с русскими и посредничество в этих торговых операциях, взноса ясака деньгами эти тóбли стали распадаться на отдельные моногамные семьи» [Ед. хр. 233. Л. 32].

^{xxxii} Н.П. Дыренкова приводила цитату по еще не переведенной на русский язык книге В.В. Радлова (*Radloff W. Aus Sibirien. Leipzig, 1893*). В русском издании эта фраза звучит так: «Большинство жителей этой деревни занимаются

торговлей. Здешние торговцы возят в верховья Мраса товары и скот, и по зажиточности всего селения видно, что торговля эта очень выгодна» [Радлов 1989: 202].

^{xxxiii} Не совсем понятно, о какой именно работе идет речь. В сноске указано: «Шашков. Сибирские инородцы в XIX столетии. Журнал “Дело”, 1908». Однако под этим годом в журнале «Дело» статья С.С. Шашкова не выходила. Поэтому мы приведем ссылки на все работы указанного автора, которые имеют такое же или схожее название: Сибирские инородцы в XIX столетии // Народное богатство. — 1863. — № 58–61, 203, 205, 208, 212, 213, 216, 219; То же // Дело. — 1867. — № 8, отд. 1. — С. 265–306; № 9, отд. 1. — С. 1–28; № 10, отд. 1. — С. 1–27; То же // Шашков С.С. Исторические этюды: в 2 т. — СПб., 1872. — Т. 2. — С. 167–292. Сибирское общество в начале XIX в. // Дело. — 1879. — № 1, отд. 1. — С. 65–106; № 2, отд. 1. — С. 65–91.

^{xxxiv} Видимо, имелась в виду именно эта работа С.П. Швецова.

^{xxxv} В ссылке было указано: «Вербицкий. Записки за 1874 г.». Не совсем понятно, 1874 г. — это год издания записок или их датировки? Поэтому здесь приводятся все записки В.И. Вербицкого, которые датированы или были изданы в 1874 г.: Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии священника Василия Вербицкого // Православное обозрение. — 1874. — № 6. — С. 709–720. Записки миссионера, датированные 1874 г., издавались в Томских губернских ведомостях в 1875 г. (№ 15, 17, 18, 22, 23, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33).

^{xxxvi} В ссылке было указано: «Отчет Алтайской миссии за 1912 г., стр. 60». Данный отчет обнаружить не удалось.

^{xxxvii} Пункты «Народное творчество» и «Язык» выделены в последнем варианте гранок статьи. При этом, видимо, Н.П. Дыренкова хотела эти пункты расширить. Об этом говорят пометы на полях, поэтому отметим название видов устного народного творчества. Героические поэмы-сказки — *кай*, *ныбак* и *шорчек*; песни — *сарын*; поговорки и пословицы — *улгер сѳс* и *кеп сѳс*; загадки — *tankak*; легенды и предания — *турунбу чоок*.

^{xxxviii} В этом же разделе в раннем варианте статьи есть небольшие сведения о декоративно-прикладном искусстве. «В области искусства шорцам известна была резьба по кости (на табакерках, пистоницах, черенках ножей, кольцах для оглоблей нарт и т.д.) и вышивка цветными нитками (на вороте, шабурах, шапках и т.д.), а также разрисовка кожи бубнов» [Ед. хр. 233. Л. 36].

^{xxxix} В раннем варианте статьи читаем: «Диалект шорцев реки Кондомы в отношении фонетики ближе к алтайским языкам (диалектам населения Северной Ойротии). В нем отмечается (по сравнению с диалектом шорцев реки Мрассу, в частности низовья этой реки) менее слабовыраженная гармония гласных в позиции *z*, например *кайың* вместо *казың* — береза, чередование *ч/ш* и т.д.» [Ед. хр. 233. Л. 37–38].

^{xl} По раннему варианту статьи: «Вместо прежней мотыги (*абыла*) или примитивной сохи (*салда*) во всех колхозах имеются плуги. В колхозах северной, менее таенной части Горной Шории (Тайлепский и Нижнее-Кинерковский сельсоветы) обработка полей производится тракторами, уборка хлебов — комбайнами. При раскорчевке участков применяются конные корчевальные машины. Ручной сев заменен сеялкой, серп — машиной (жнейкой и лобогрейкой), обмолот

хлеба путем сжигания — молотилками (полусложными и сложными). Колхозы Горной Шории сеют пшеницу, рожь, ячмень, овес, гречиху, просо, лен, коноплю. Колхозники шорцы завели огороды. Увеличилась во много раз посевная площадь колхоза: в 1930 г. было 159 га, 1931 — 575, 1932 — 1 156, 1933 — 2 602, 1934 — 2 664, 1935 — 4 257, 1936 — 4 022, 1937 — 4 688, 1938 — 4 774. Техническая оснащенность сельского хозяйства, организация труда в колхозах создали все предпосылки для роста урожайности колхозных полей. В 1930 г. урожайность зерновых колхозов в среднем определялась 6,2 ц с га, в 1936 — 6,8, в 1937 — 7,3, 1938 — 8,6» [Ед. хр. 233. Л. 40].

^{xlii} В раннем варианте статьи: «Остатки кулачества и шаманов вели подрывную работу против колхозов, против увеличения посевов, агрокультурных, ветеринарных, зоотехнических мероприятий, проводимых в районе, пытались доказать, что шорцу-охотнику несвойственно заниматься сельским хозяйством, что земледелие и скотоводство отвлекают шорцев от основного самого надежного и привычного источника существования — охотничьего промысла. Но укрепление хозяйства колхоза, рост зажиточности колхозников опровергли эти вредные теории. Основным источником зажиточной жизни населения все в большей и большей части Горной Шории становятся наряду с охотничьим промыслом сельское хозяйство, хлебопашество, животноводство, пчеловодство и огородничество, ведущееся на социалистических началах. Даже в наиболее глухом районе Горной Шории, ее южной части, выросли зажиточные колхозы. Так, в улусе Карчит Усть-Кобьезинского сельсовета в 1931 г. был организован колхоз “Красный шор анцы”. Объединились в колхоз улусы, разбросанные по 2–3 юрты по реке Мрассу и по реке Керчуг. В колхоз вошли и русские. Число хозяйств из года в год росло: в 1938 г. было 21 хозяйство, в 1936 — 47, в 1937 — 79. Колхоз сеет пшеницу, ячмень, рожь, овес, просо. Посевная площадь — с 65 га в 1933 г. выросла до 218,83 га в 1938 г. Средний урожай зерновых — с 8,8 ц с га в 1936 г. поднялся до 11,43 ц в 1938 г. Площадь сенокоса — со 150 га в 1933 г. до 400 га в 1938 г., закладка силоса — с 40 в 1930 г. до 108 в 1938 г.» [Ед. хр. 233. Л. 43–44].

^{xliii} В раннем варианте статьи: «Для проведения планового охотничьего промысла, для избежания перепромысла отдельных охотучастков в Горной Шории организовано охотхозяйство, на территории которого планомерно распределяются охотники, в результате чего полностью изжиты перепромысел и недопромысел пушного зверя <...> Охотничий промысел производится специальными охотничьими бригадами, выделяемыми колхозами. Количество охотничьих колхозных бригад (шорских) — 56, в них охотников — 840 человек (1938 г.). Основные объекты охотничьего промысла в зимний период: белка, колон, хорь, лисица, заяц, ласка, меньше россомаха, рысь. В летний период в основном промысляют крота, бурундука, хомяка, водную крысу; в осенне-весенние периоды охотятся на медведя. Значительно повысилась техническая вооруженность охотников. Если раньше основным орудием промысла охотника-шорца была кремневая шомполка, то теперь колхозник-охотник имеет 1–2 и больше ружья (усовершенствованные переломки последнего выпуска и двуствольные высококачественные ружья). Изменилась и оснащенность охотников капканами. Если раньше охотник-шорец с трудом из-за недостатка средств мог приобрести два–три капкана, количество явно недостаточное для должного охвата промысло-

вой территории. Основные промысловые угодья на территории Горно-Шорского охотхозяйства расположены на реке Мрассу, по притокам реки Томи, Теренсу, Шорсу, Бельсу и по реке Уса. Часть охотников (250–300 человек) промысляют в Таштыпском охотхозяйстве (в Хакасской автономной области Красноярского края), граничащем с Горной Шорией. Летний промысел проходит повсеместно. Значительно повысилась роль лошади в охотничьем промысле: сейчас охотничьи бригады на лошадях завозят в тайгу на место промысла часть орудий лова и некоторые продукты питания; летом на лошадях колхозники-шорцы протапывают лесные тропы для ловли кротов. Для снабжения орудиями промысла и продуктами питания и для приемки пушнины организованы 27 пунктов Сибпушнины, приближенных к местам промысла. Охотники в настоящее время могут приобретать предметы первой необходимости и орудия промысла, а также сдавать продукты промысла без излишней затраты времени. Охота является далеко не единственным источником дохода, однако значение охоты для колхозника шорца по сравнению с прошлым не уменьшилось. Материальная обеспеченность охотника благодаря колхозу, государственная и кооперативная помощь создавали такие условия, при которых доход от охоты неизмеримо выше дореволюционного и до объединения шорцев в колхозы. Доход от охотничьего промысла из года в год растет. Средний годовой доход на одного охотника в 1935 г. составил 710 руб., в 1936 г. — 872 руб., в 1937 г. — 930 руб., в 1938 г. — 1 000 руб. Выполнение плана пушзаготовок по отдельным сельсоветам с преобладающим шорским населением выразилось (в руб.):

	1936	1937
Усть-Кобьрга	68 138	94 532
Усть-Кезес	71 901	8 185 104
Усть-Анзас	75 776	103 075
Средний Челей	38 811	78 578
Чилису-Анзас	67 902	111 570
Усть-Колзас	22 617	48 972
Кызыл-Шор	50 665	72 772
Усть-Селезень	703 388	89 704
Калар	33 070	31 397
Мыски	61 618	61 683
Чувашка	64 000	73 272
Сыркаш	15 542	26 230
Подобас	41 000	40 732
Безруково	5 707	24 453

Социалистическое соревнование, стахановское движение охватили широкие массы охотников-шорцев. Значительное число охотников систематически перевыполняют свои обязательства. Охотник Топоков Павел Ананьевич колхоз-

ник колхоза “Лось” Средне-Челейского сельсовета в 1938 г. дал обязательство добыть пушнины на 500 руб., добыл на 1547 руб. Известный в Горной Шории охотник Кусугашев Сапас (Степан Константинович), член колхоза “Адыгчи Шор” Усть-Калзаского сельсовета, бывший бедняк-охотник, сейчас стахановец, зажиточный охотник-колхозник. Он систематически перевыполняет свои обязательства на 300–400 %. За 3½ месяца промысла 1938 г. добыл высококачественной пушнины на 1730 руб., имеет значок от Комитета заготовки СНК, явился участником Сельскохозяйственной выставки. 18 охотников в районе награждены Обл-исполкомом за отличные показатели значком “Охотник-ударник”. Лучшей бригадой является охотбригада колхоза “Наа чадыг” Усть-Кобьезинского сельсовета во главе с бригадиром Шулбаевым Яковом Васильевичем» [Ед. хр. 233. Л. 45–49].

^{xliii} В раннем варианте статьи: «Почти все колхозы Горной Шории имеют свои пасеки. Так, колхоз “Красный Шор аңчы” Усть-Кобьезинского сельсовета (Южная Шория) имел в 1936 г. 78 пчелосемей, в 1937 г. — 80 пчелосемей, в 1938 г. — 108 пчелосемей. Колхоз “Аңчы шор” Мысковского сельсовета (село Бородино; Северная Шория) имеет пасеку из 96 ульев. Прирост пчелосемей в 1938 г. составил 22 улья. Он получил меду около 1 000 кг, сдал государству через сельпо 377 кг, выдал колхозникам 180 кг. Колхоз “Наа чол” того же сельсовета (с. Мыски) имеет пасеку в 30 ульев, в 1938 г. получили 717 кг меду, сдал государству 337 кг. Колхозники вместо старых дуплянок заводят на своих пасеках рамочные улья. Специальные работники пасек получают инструктаж от более опытных пчеловодов, проходят различные курсы по пчеловодству, внедряют в практику колхозов новые усовершенствованные методы пчеловодства. Результатом всех этих мероприятий явился значительный рост пчелосемей. Если в 1933 г. в районе было 15 702 пчелосемей, то в 1939 г. было уже 21 575» [Ед. хр. 233. Л. 42].

^{xliv} В раннем варианте статьи: «В первые годы зарождения промышленности в Горной Шории кулаки-националисты всеми средствами пытались задержать ее развитие. Участники кулацко-националистической группировки в 1931 г. пытались запугать трудящихся шорцев тем, что возникающие фабрики, прииски, железные дороги отгонят из их угодий зверя за пределы Горной Шории, что тем самым подорвет основу их хозяйственной деятельности и обрекает их на голодное существование. Они пытались утверждать, что шорец-охотник никогда не сможет стать рабочим приисков, шахт и заводов. Однако трудящиеся-шорцы с помощью русского пролетариата сумели разоблачить националистические группировки. Шорцы пошли на производство и стали наравне с русскими рабочими активными участниками бурно развивающейся промышленности своего района. Они выдвинули из своей среды ряд ударников-стахановцев. Так, в Усинском приисковом управлении работают 132 шорца, из которых 23 ударника и 19 стахановцев: на Мондыбашской агломерационной фабрике работают 8 шорцев, из которых 4 ударника и 4 стахановца, в Алтайском приисковом правлении “Запсибзолото” — 99 человек, из которых 52 ударника и 10 стахановцев, на Шугтулепском лесокомбинате — 5 чел., из которых стахановцев 3 человека» [Ед. хр. 233. Л. 51].

^{xlv} Этот абзац Н.П. Дыренкова предполагала вынести отдельно в качестве пункта «Ресурсы», о чем свидетельствует помета на полях.

^{xlvi} Линии железнодорожного транспорта связывали Сталинск (Новокузнецк) с Таштаголом. В раннем варианте статьи: «Транспортные самолеты проле-

тают над долинами рек Мрассу и Кондомы, минуя снежные вершины Мустага. Они перевозят для Горной Шории почту, возят пассажиров. От Сталинска до Мысков летом ходят моторные лодки. Стал массовым видом транспорта велосипед, появляются мотоциклы. Телеграфная линия проходит по реке Томи до улуса Мыски, по реке Кондоме (по всей железорудной части района) до рабочего поселка Спасск (протяжением 300 км). С остальной частью района сообщение по радио. В каждом крупном центре имеются радиоточки. Телефонная связь охватывает все центры горнорудной промышленности. Почта обслуживает все центры и улусы района; доставляется почта на поезде, самолете, моторных лодках и лошадях» [Ед. хр. 233. Л. 52].

^{xlviii} В первоначальном варианте статьи этот пункт был значительно больше. В него входило описание новых форм быта шорцев: пищи, одежды, жилища, организация поселений. «Неузнаваемо стало *титание* шорца. Мясо, рыба, хлеб, сахар, консервы и т.д. имеются у каждого колхозника. Из прежних национальных продуктов и напитков остается талкан и абыртка. Несмотря на обилие продуктов талкан остается до сих пор любимым блюдом шорца Южной Шории; с талканом не расстается шорец-охотник. Каждая колхозная семья имеет возможность печь хлеб. Имеются общественные пекарни. В крупных центрах организованы столовые. Развивается общественное питание: общественное питание организовано в полевых станах во время весенних и осенних работ на полях колхоза, в охотничьих бригадах на местах промысла. *Одежда* шорца в основном европейского покроя. Из старой национальной одежды сохраняются частично холщовый шабур. Зимой его носят поверх толстого пальто. Особенно охотно одевают шабур охотники во время промысла. Бытует старая кожаная обувь “чирки”, удобная для ходьбы на лыжах. Повседневно в употреблении белье. Быстро вошли в быт новые культурные навыки: шорцы моются в банях, употребляют мыло, заботятся о своей прическе, стригут волосы и т.д. *Жилищем* шорца-колхозника вместо старой дымной юрты служит сейчас изба с глинобитной или железной печью. Юрта как основное жилище сохраняется лишь в отдельных более отдаленных улусах. Для большей части населения юрта служит в настоящее время дополнительным или подсобным жилищем — летом иногда в ней живет семья колхозника, в основном же она является одной из хозяйственных построек: там стоит ручная мельница, хранятся продукты, складывают хлеб, готовят пищу. Изменилась и внутренняя обстановка шорского жилища — покупная мебель, деревянные койки и железные покупные кровати имеются уже в каждом доме. Появились бани, общественные и личные. Даже в таких глухих в прошлом районах, как южная часть Горной Шории по системе р. Мрассу и ее притоков, строятся новые жилища, по-новому располагаются улусы. Колхоз “Красный Шор аңчы”, организованный в 1931 г., охватил улусы численностью в две-три юрты, разбросанные по берегам р. Мрассу и по р. Карчит. Сейчас колхозники этого колхоза живут в новых светлых домах, юрты сохранились лишь как помещения для приготовления пищи и для стирки белья. В юрте стоит и ручная мельница, на которой шорские женщины еще и сейчас размалывают зерно на талкан. Каждый колхозник имеет баню, о которой прежде шорцы Южной Шории даже не имели представления. Только местами в Горной Шории сохранились прежние маленькие улусы (3–4 юрты и дома), большинство населения расселяется в настоящее время компактно по

системам рек Томи, Мрассу и Кондомы. Выросли такие крупные улусы, как Мыски, Кобырза, Усть-Анзас, Чувашка, Чилису-Анзас и др. Усть-Кобырза, в прошлом глухой отсталый угол Горной Шории, превратился в крупный центр Южной Шории, “город”, как его называют приезжающие из еще более отдаленных районов шорцы. До Октябрьской революции в этом улусе было всего 13 домов, из которых один — волостное правление и два кулацких. Сейчас в улусе Кобырза около 100 светлых домов, клуб, магазин сельпо, Сибпушнины, типовое здание средней школы, детдом, больница, амбулатория, дома леспромхоза и кино-театр. Имеется электрическое освещение. Улус радиофицирован. Улус Мыски в северной части Горной Шории, в прошлом сосредоточение шорских кулаков, сейчас культурный административный центр вновь образованного Мысковского района. В этом “улусе” несколько сотен домов, здание школы, больницы, колхозной школы, средней школы, кино, магазина и т.д.» [Ед. хр. 233. Л. 52–55].

^{xlviii} В раннем варианте: «В Горную Шорию направлялись из года в год медицинские отряды по борьбе с этими заболеваниями. В первые годы удавалось с большим трудом заставить больных обращаться к помощи венотряда. Последний располагался обычно в улусе Усть-Кобырза, в Южной Шории, где особенно были распространены венерические заболевания. В последующие годы шорцы, убедившись в пользе лечения, сами издалека приезжали в Усть-Кобырзу, и так как таких больных население неохотно пускало жить к себе в дома, большая часть приезжавших, особенно те, у которых не было знакомых и родных, располагалась в небольшом леску около этого улуса и жила там весь период лечения. Изуродованные болезнью, покрытые язвами, еле прикрытые рваной и грязной одеждой женщины и дети ютились около горящих костров под деревьями. Тут же стояла незатейливая утварь, были разбросаны седла. Зарождающееся доверие к советской медицине уживалось с боязнью мести духов, которой их запугивали шаманы. Были случаи, когда больные под угрозой шамана бросали лечение или под тем или другим предлогом просили на некоторое время прервать лечение. Многие женщины уезжали, чтобы “отдохнуть”, и в это время замаливали с помощью шамана свой проступок перед грозными духами, а затем вновь возвращались в улус Кобырзу и продолжали лечение» [Ед. хр. 233. Л. 55–56].

Архивная справка

Хранение: АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 232, 233.

Состав: ед. хр. 232 включает гранки (л. 1–15) и два экземпляра машинописного текста (л. 16–42, 43–66); ед. хр. 233 включает два машинописных варианта статьи (л. 1–61, 62–100).

Описание: ед. хр. 232: гранки статьи — листы в 2 раза длиннее формата А4, имеют авторскую правку, выполненную чернилами; машинописный текст — листы формата А4 с незначительной авторской правкой, выполненной чернилами. Ед. хр. 233: два экземпляра машинописного текста, листы формата А4, чернилами вписаны тюркские термины.

Датировка: гранки статьи датированы 1935 г. (внизу первой страницы наклеена этикетка: «Издательство Академии наук СССР»). Прилагаемые при сем листы, гранки просьба вернуть проверенными и подписанными к печати не позд-

нее 29 марта 1935 г. В случае несвоевременного возврата издание будет отпечатано без Ваших поправок, по корректуре Издательства (постановление РИСО от 14 декабря 1933 г. Тех. редактор (подпись). Зав. производств. сектором»).

Машинописные тексты могут быть датированы 1931–1934 гг., т.к. решение о создании 4-томного издания «Народы Сибири» было принято в 1931 г.

Состояние: гранки статьи по краям и на сгибах имеют разрывы, листы машинописных текстов пожелтели.

Иллюстрации: иллюстрации к статье взяты из фотоколлекции Н.П. Дыренковой (МАЭ, № 3662).

